

ТАТЬЯНА СОЛОМАТИНА

ОБЩИНА
СВ. ГЕОРГИЯ

2

Татьяна Юрьевна Соломатина
Община Святого Георгия.
Сценарий. Второй сезон
Серия «Сценарии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43477237

Аннотация

Клиника Святого Георгия открылась после реконструкции.

Жизнь Российской империи постепенно налаживается после тяжёлых потрясений: русско-японской войны и революции 1905 года. Огромная инерционная система неповоротлива. Перемен жаждают все. И среди олигархов есть те, кто могут и хотят хозяйничать иначе, и уже доказывают это делом. И среди простых порядочных честных граждан есть те, кто понимает и принимает необходимость последовательных реформ. Почему же опять и опять что-то пойдёт не так?

Но герои этого ещё не знают. Им, признаться, не до пустых размышлений о будущем. Им и в настоящем есть, чем заняться. Каждому из них ежедневно приходится делать непростой выбор, спасая других. Часто подвергая себя смертельной опасности. Но они не просто функции, не «всего лишь» заданные аргументы. Они – живые люди, из плоти и крови. Как и их любимые, друзья, родня и, конечно же, пациенты.

История России. История медицины. История любви. История чести и история предательства. Вечная история. Новейшая история.

История Веры.

«Община Св. Георгия» – это история о нас.

Увлекательнейший сценарий, от которого невозможно оторваться.

Содержание

Татьяна Соломатина	5
Татьяна Соломатина	79
Татьяна Соломатина	151
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Татьяна Соломатина
Община Святого Георгия
Второй сезон

Татьяна Соломатина
Община Святого Георгия
9-я серия

Новый день.

9–1. Инт. Клиника/коридор. День.

**(Бельцева, Белозерский,
Бригадир, Рабочие, Персонал.)**

Прошёл месяц после событий 8-й серии. Клиника в состоянии ремонта. В коридоре на козлах – рабочие, заняты электрической проводкой. В клинику

с улицы входит девушка лет двадцати, красивая (Бельцева), бледная, очевидно плохо себя чувствует, останавливается отдышаться. Бригадир (в возрасте), увидав её, показывает на дверь кабинета первичного врачебного осмотра:

Бригадир:

Там у них доктор. Хотя и закрыты, а всё время кто-то сидит. Чтобы было, значит, рабочему человеку куда со своей соплём пойти. Ты иди туда, милая, развлеки доктора. Не то он уже ко мне приставал. «Давай, – говорит, – учиним тебе (*пауза, вспоминает „трудное“ слово*) профо-лактическое дознание».

Бельцева, отдышавшись, пошла в указанном направлении. Толкает двери (ей тяжело, слабость). Бригадир, обращаясь к рабочим.

Бригадир:

Такое, то есть, чтобы узнать, что я здоров. То я и так знаю! Я, слава богу, подковы гну, не то, что проводки эти. «Мне, – говорит...

Опять копирует Белозерского с „докторским видом“, тщательно повторяя „умные“ слова:

Бригадир:

...реакция твоих зрачков на свет не нравится!» Да я как узнал что у них теперь тут электрические лампы во всех отхожих местах! – так с вылупленными шарами и хожу! Это ж деньжищ сколько... в нужник!

9–2. Инт. Клиника/Врачебный Кабинет. День.

(Белозерский, Бельцева.)

Входит Бельцева, ей очень плохо. Белозерский за столом, приветливо встаёт. Радушен.

Белозерский:

Проходите, пожалуйста! На что жалуемся?

Бельцева оползает по стеночке, он бежит к ней, успевает подхватить на руки – она лишилась сознания. Относит на кушетку. Уложил. Левая рука его запачкалась кровью. Он поворачивает Бельцеву на бок – по юбкам сзади и по простыне – небольшое кровавое пятно. Белозерский со злостью и досадой (немного с отцовскими интонациями из 1-й серии):

Белозерский:

Ёлки-палки, зелёные моталки!

Идёт к шкафу, достаёт шприц, ампулы...

9–3. Инт. Клиника/коридор. День.

(Белозерский, Бригадир, Рабочие.)

Из кабинета врачебного осмотра выходит Белозерский (белый халат испачкан кровью Бельцевой), на нерве, стремительно идёт, весь в мыслях, спотыкается о ведро с красной (оттенка: «вечное половое бордо») краской. Ведро падает, обливая ботинки Белозерского. Белозерский чертыхается. Рабочие ухмыляются его неловкости.

Белозерский:

Чёрт! Чёрт!

Бригадир:

Не поминайте рогатого, ваше докторство! Не ровён час забодает!

Рабочие комментируют насмешливо: «Осторожней, барин! Ботинки, поди, дороже меня стоят!», «О барышне замечтался!» Не обращая внимания, Белозерский идёт дальше, оставляя «кровавый» след краски.

9–4. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

**(Вера, Кравченко, Концевич,
Нилов, Порудоминский, Матрёна
Ивановна, Ася, Георгий, Белозерский.)**

Вера на правах полноправной хозяйки в профессорском кабинете. Проводит рабочее совещание накануне открытия клиники. Здесь же присутствует и Георгий – он с тростью, чуть прихрамывает – как любой правша, воспринимая правую ногу опорной. Кабинет похож на склад – сюда снесены мебель, книги и прочее из других помещений.

Вера:

Через неделю, господа, состоится официальное открытие клиники после реконструкции. Благодаря нашим успехам...

Скептический взгляд Кравченко. Вера оценивает кивком, мол, вашу иронию поняла и приняла.

Вера:

Благодаря нашим *академически признанным* успехам!.. Но мы все должны понимать – щедро просыпавшиеся на нас деньги...

Шум чего-то падающего прерывает её, в кабинет без

стука вваливается Белозерский – опять что-то уронил.

Белозерский:

Чёрт!

Матрёна Ивановна:

(тихо, в сторону) Устами младенца...

Вера:

(продолжает)...не цель, но средство.

Белозерский:

Простите за опоздание!

Вера холодно кивает: извинения приняты.

Вера:

Заведовать сёстрами милосердия как и прежде будет Матрёна Ивановна Липецких.

Матрёна чуть надменно самодовольно усмехается («а кто же ещё?!»), но видно, что растрогана – мало ли что могло произойти в связи с переменами.

Вера:

Анна Львовна Протасова назначается старшей операционной сестрой.

Ася, чуть смутившись, благодарно кивает.

Вера:

Руководить административно-хозяйственной частью будет Владимир Сергеевич Кравченко. Исполнять обязанности заведующего терапевтической службой – Дмитрий Петрович Концевич. Под патронатом вышеупомянутого госпо-

дина Кравченко.

Белозерский (всё ещё на нерве, поглядывает на часы) во время речи Веры опирается на пирамиду из стульев – пирамида обрушивается. Кто рядом стоял – отпрыгивает. Матрёна кривится, но первой отправляется наводить порядок. Ей на помощь спешит Георгий.

Вера:

Александр Николаевич!.. Назначается главой акушерского департамента.

Матрёна Ивановна:

(ворча, тихо, но внятно) Главой! Чтобы та глава ещё прочими органами управляла!

Вера:

Хирургической частью, равно и клиникой в целом – руковожу я... Господа Нилов и Порудоминский *(кивки в сторону 2-го и 3-го студента)* приняты в штат ординаторов. Поздравим их с успешной сдачей лекарского экзамена.

Все недолго аплодируют. Бывшие студенты, новоиспечённые ординаторы Нилов и Порудоминский: благодарные поклоны.

Вера:

В завершение хочу представить Георгия Романовича Буланова. Наш новый санитар. Прошу любить и жаловать. Унтер-офицер, полный кавалер Георгиевских крестов, герой войны, и...

Ловит взгляд Георгия – он не хочет, чтобы она афишировала его глубокую инвалидизацию, безноготь. Она ему мимикой даёт понять: «и не собиралась».

Вера:

...надёжный товарищ.

Георгий смущённо кланяется. Матрёна смотрит на него с неожиданной теплотой, сквозь которую проглядывает дамский интерес.

Вера:

Одно из самых главных нововведений, к которому всем нам, включая меня, придётся привыкать: клиника отныне оказывает помощь не только малоимущим, но и состоятельным пациентам. Для начала у нас откроется амбулаторный приём.

Тишина, на лицах недовольные выражения. Вера раздражается.

Вера:

Я понимаю, господа, что общаясь с нашим постоянным контингентом, вы немного утратили... МЫ немного утратили иные представления о достоинстве. Заметьте, я не говорю: о чести. Ну что ж! Нам всем пора вернуть этот навык: общаться с пациентами на равных.

Концевич:

(усмехнувшись) На равных!.. Состоятельные господа вос-

принимают врачей обслугой.

Вера:

(довольно резко) Собственно, так это, господин Концевич и есть. Если вас оскорбляет слово «обслуга» вспомните однокоренной термин, который больше придётся вам по нраву.

Кравченко:

(к Концевичу, видя его недоумение) Служение.

Вера:

Благодарю вас, Владимир Сергеевич. *(Ко всем)* Вопросы?

Белозерский очень торопится покинуть совещание и это не ускользает от внимания Веры.

Вера:

Господин Белозерский, вам есть что доложить об амбулаторном дежурстве?

Белозерский:

Мне?!.. А! Нет! Всё нормально.

Это ещё больше настораживает Веру.

9–5. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Госпитальный Извозчик, Белозерский, Вера, Матрёна Ивановна, Георгий, Ася.)

Новая карета, «богатая», чистая. Лошадь в новой упряжи. Госпитальный Извозчик держит кобылу под уздцы.

Госпитальный Извозчик:

Как тебе, Клюква, новая сбруя? Только не ври, что жмёт и натирает! Сам всё справлял!

Из клиники выбегает Белозерский, на ходу снимая белый халат. Запрыгивает на козлы.

Белозерский:

Поехали, Иван Ильич! Поехали!

Госпитальный Извозчик взбирается на козлы. Ворчит.

Госпитальный Извозчик:

Мне эти ваши дела, барин, не по нраву.

Трогает. На выезд со двора.

Белозерский:

(добродушно) Да я ж тебя разве спрашиваю: по нраву тебе

или нет?!

Извозчик, кинув на Белозерского пронизательный, ни в коем случае не осуждающий, взгляд, говорит тоном зрелого разумного человека, понимающего куда больше, чем может предположить Белозерский:

Госпитальный Извозчик:

Меня, Александр Николаевич, ведь и не вы можете спросить.

Белозерский:

Так ты и отвечай: господин Белозерский приказали!

Госпитальный Извозчик:

Девицу с закровяненным подолом к нему до хором везть? Я, господин Белозерский, извозчик, а не дурак!

Белозерский молчит, насупившись. Госпитальный извозчик, качая головой («о вас, барин, забочусь!»), вздыхает. Погоняет лошадку. На порог выходит Вера, смотрит вслед уезжающей госпитальной карете. Хмурится. Закуривает. Отходит чуть в сторону, прислоняется к стеночке, закрывает глаза. Выходят Матрёна, дверь которой любезно открыл Георгий. Матрёна неожиданно мягка (кажется, будто Матрёна кокетничает, насколько это возможно в её характере). В руках Матрёны две чашки чаю. Вышли. Одну она передаёт Георгию, дождавшись, пока он закурит папиросу.

Матрёна Ивановна:

Как же вы, Георгий Романыч, с тростью-то санитарить будете?!

Георгий:

Она у меня, Матрёна Ивановна, почитай больше для шику. Я так, хромаю разве слегка. Мне ноги не кто-нибудь лечил, а сама Вера Игнатьевна!

Вера открывает глаза, затягивается, усмехается словам Георгия: «ну ты и петух гамбургский!»

Матрёна Ивановна:

(сочувственно) И сильно вам ноги ранило-то?

Георгий:

Пустяк! Самую малость...

Вера только головой качает, щурится, сейчас рассмеётся. К ней поворачивается Матрёна – Вера тут же изображает серьёзность:

Вера:

Ты не чаями его пои, а работой нагружай.

Из дверей клиники высовывается радостная Ася.

Ася:

Матрёна Ивановна, новое бельё привезли! Идёмте принимать!

Матрёна Ивановна:

Да что ж ты кричишь, как заполошная! Сейчас! Дай чаю глотнуть, бога ради!

Ася, лукаво глянув на курящего Георгия, на

Матрёну:

Ася:

У нас в сестринской и курить можно. (к Матрёне) С чаем!

Смеясь, уходит в клинику. Матрёна, недовольно скривившись, за ней. Ещё затяжку делает Георгий, выбрасывает окурок, подмигнув Вере, подкрутив усы, – заходит за Матрёной. Вера ещё некоторое время улыбается, затем становится серьёзной.

9–6. Нат. Улица/дом Белозерского/ у парадного подъезда. День.

(Вера, Лакей Василий.)

Вера (в гражданском мужском платье) деловито идёт по улице, подходит к дому Белозерского. Звонит у парадных дверей. Открывает Василий, глаза слегка косят – он рад видеть Веру, но Александра он любит больше.

Вера:

Здравствуй, Василий Андреевич!

Лакей Василий:

Вера Игнатьевна! Никого нет дома!

Вера властно его отодвигает, заходя.

Вера:

Никого?! А ты что, мебель говорящая?

9–7. Инт. Дом Белозерского/холл. День.

(Вера, Лакей Василий.)

Вера скидывает Василию пальто, устремляется вверх по лестнице. Василий ей вслед, чуть не жалобно:

Лакей Василий:

Княгиня! Обозлится на меня молодой барин!

Вера резко поворачивается, смотрит на Василия.

Вера:

Ты ему к поцарапанной коленке подорожник прикладывал, азбуке учил, попку подтирал. Не обозлится. Разве на меня.

Но в глазах у Василия остаётся искренний испуг. Не за себя, а именно за молодого барина.

Лакей Василий:

Вера Игнатьевна, вы же...

Вера:

Нет!.. Я его просто выпорю.

Поднимается наверх.

9–8. Инт. Дом Белозерского/у дверей в домашнюю клинику. День.

(Вера, Белозерский.)

Вера настойчиво колотит в запертую дверь, грохот немалый. Высовывается Белозерский, в халате, фартуке, с засученными рукавами, с грозным выражением лица.

Белозерский:

Я же просил!..

Видит Веру, осекается. Вера отодвигает его, заходит. Он, выглянув в коридор – никого, закрывает и запирает дверь.

9–9. Инт. Дом Белозерского/смотровая- операционная домашней клиники. День.

(Бельцева, Вера, Белозерский.)

Перепуганная Бельцева сидит на операционном столе. Бледна. Справа от стола приготовлен набор инструментов на аборт. Вносится Вера, за ней – Белозерский.

Белозерский:

Вера Игнатьевна! Княгиня Данзайр! Это, в конце концов, частная собственность!

Не очень осторожно подошёл к ней сзади, взял за рукав – Вера с разворота выписывает ему апперкот. С ног не валит, но чувствительный. У Белозерского из носу кровь. Он утирается рукавом. Понятно, не может ударить Веру, да и ярость его совсем о другом. Орёт:

Белозерский:

Что мне её?! В полицию сдать?! От четырёх до шести?!

Он нос к носу с Верой, она не менее яростно орёт ему в ответ:

Вера:

Ей – только исправительное учреждение! А тебе – каторж-

ные работы до десяти лет, ссылка в Сибирь, лишение состояния и практики!

Белозерский, внезапно сдав назад, поднимая руки в жесте «сдаюсь!», со смешком:

Белозерский:

Хорошо, не смертная казнь!

Вера, тоже успокоившись, ворчливо:

Вера:

Смертную казнь за это Пётр Первый отменил в тысячу семьсот пятнадцатом году... Я же, как третье лицо, участвующее в деянии, получу всего три года в исправительном доме.

Бельцева лишается чувств. Они – к ней. Аккуратно укладывают завалившуюся, было, на бок, пациентку.

Вера:

Вводи морфий! (*Иронично*) Согласно уложению о наказаниях от тысяча восемьсот сорок пятого года «аборт по неосторожности» наказанию не подлежит.

Вера подвигает табурет к ножному концу стола, подвинчивает его под свой рост, засучивает рукава, берёт в руки маточный зонд. Белозерский уже колет Бельцевой морфий.

Вера:

И кто бы ей ноги держал?! Василий Андреевич?! И старика, тебя вырастившего, подводишь?!

Белозерский показывает Вере кожаные ремни, свисающие с ножного конца операционного стола:

Белозерский:

Я немного рационализировал...

Вера перебивает, с гневом учителя на ученика:

Вера:

Если двигательное возбуждение, а ты с железом уже в матке?! Ремни – не руки! И мозжечка у них нет – моторику синхронизировать!

Белозерский молча ставит ноги Бельцевой, удерживает, полностью подчинившись тому, что Вера взяла манипуляцию на себя – не из трусости подчинён, а потому что Вере невозможно сопротивляться, к тому же она опытнее.

Вера:

(с сарказмом) Синяков ей наставим. За то, что мы её поколотили – отделаемся штрафом. А то и вовсе – пожурят. Я – княгиня; ты – сынок олигарха!

Белозерский:

В смысле?!

Вера уставляется на него, во взгляде сквозит: «ну ты баран!»

Вера:

Вдруг эта дура где проговорится?!

Белозерский:

Что ж она, враг себе?!

Вера:

Нет! Просто дура... А так: поколотили – вот и выкидыш.

По неосторожности.

Верина рука с зондом – к работе...

9-10. Инт. Дом Белозерского/ кабинет-приёмная. День.

(Вера, Белозерский, Бельцева.)

Бельцева лежит на диванчике, уже в сознании, но ей нехорошо. Александр и Вера привели себя в порядок. Вера поит прооперированную Бельцеву чаем.

Вера:

Пей! Сладкое. Надо!

Бельцева делает несколько глотков.

Вера:

Ты зачем в клинику пошла?!

Бельцева:

Подумала, скажу: кровь пошла...

Вера:

И доктор такой глупец, что не сообразит! Сама спицей ко-

выряла, или бабка какая помогла?!

Бельцева молчит.

Вера:

Понятно. Бабка... Ты в курсе, что аборт в Российской империи приравнен к умышленному детоубийству?!

Бельцева плачет.

Бельцева:

Я не могла его оставить. У меня мужа нет... Я...

Вера:

Кто-то же тебе его сделал! Не от святого духа же, право!
Надо было...

Вера сокрушённо качает головой. Она понимает, что все эти её «надо было» сейчас совершеннейшая риторика. Поднимается.

Вера:

Пустое! Отлежишься немного и... И даже адрес этот забудь!

Бельцева испуганно и благодарно часто кивает.

9-11. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Георгий, Матрёна Ивановна, Госпитальный Извозчик, Кравченко, Концевич.)

Матрёна Ивановна и Георгий развешивают бельё. Он держит таз. Госпитальный Извозчик сидит на ступенях, курит, бросая ревнивые взгляды на Матрёну с Георгием. Выходит Кравченко.

Кравченко:

Ты куда, Иван Ильич, с утра мотал?

Госпитальный Извозчик:

Куда господин Белозерский приказать изволили!.. А-а-а... я не для того здесь, чтобы интересоваться.

Кравченко:

Ты у нас – служебный транспорт, а не для господских нужд.

Госпитальный Извозчик кидает коротко, тихо, но значительно:

Госпитальный Извозчик:

Отпрыск благодетеля не изволят злоупотреблять. Разок и попросили.

На крыльцо выходит Концевич, в цивильном

костюме, с докторским саквояжем. Идёт к карете.

Концевич:

По вызову в господский дом.

Извозчик смотрит на Кравченко. Тот строго, без эмоций, кивает. Концевич садится в карету, не на козлы, внутрь.

Госпитальный Извозчик:

(к Георгию) Эй! Санитар! На вызов!

Георгий, улыбнувшись Матрёне, неспешно идёт к карете.

Госпитальный Извозчик:

Пошевеливайся!

Георгий, с чуть заметным усилием – для незнакомого с его ситуацией выглядит, будто человек намеренно медленно взбирается на козлы, – садится рядом с Извозчиком. Радужно протягивает руку:

Георгий:

Георгий Буланов!

Госпитальный Извозчик двумя руками держит повод, демонстративно, мол, не могу ответить. Трогает, представляясь довольно холодно, не глядя на Георгия:

Госпитальный Извозчик:

Иван Петров!

Георгий выразительно снисходителен к демаршу

Ивана Ильича, добродушно хмыкает, качая головой.

9-12. Инт. Дом Белозерского/каминная. День.

(Вера, Белозерский.)

Вера сидит на диване, Белозерский пристроился в кресле – но явно жаждет быть поближе. Кофе, сигареты.

Вера:

Ты понимаешь, что сами эти инструменты на дому держать преступно?!

До Веры доходит...

Вера:

И давно к тебе Лариса Алексеевна своих девочек посылает?!

Белозерский вскакивает, горячо защищает Ларису.

Белозерский:

Она вообще не в курсе! Они сами! Как я могу отказать?! Они же тоже... Или сами будут пытаться вытравить, или к коновалам пойдут! Вы знаете, сколько в Российской империи гибнет...

Вера:

(резко перебивает) Лучше тебя!.. Но ты этим больше за-

ниматься не будешь! Ты даже не представляешь, какой везунчик. Что никто на тебя ещё не донёс.

Белозерский:

Да кто же донесёт?!

Вера:

Любая из девок, которой ты помог. И не со зла, а по отсутствию... (*стучит костяшками пальцев по лбу*). Ты лучше по улицам ходи с пистолетом и в детишек стреляй. Это у нас для закона равнозначные деяния.

Вера затягивается глубоко, откидывается на спинку дивана. Белозерский – поближе к ней, воркующим голубком:

Белозерский:

Вера Игнатъевна...

Вера:

Кстати, что у вас с Асей?

Белозерский делает круглые удивлённые глаза: «в смысле?!»

9-13. Инт. Клиника/предоперационная. День.

(Ася, Кравченко.)

Ася, довольно напевая, налаживает быт в

предоперационной: новое бельё, мыло, щётки; распаковывает, расставляет. Заходит Кравченко, несколько мгновений любуется Асей – она его не замечает. Оборачивается, обрывается, смеётся.

Ася:

Владимир Сергеевич! Напугали!

Кравченко:

Анна Львовна...

Она внимательно смотрит, ожидая каких-нибудь рабочих ремарок-указаний. Кравченко чуть смущён.

Кравченко:

Анна Львовна... *(не решаетя)* Всё ли в порядке?

Ася:

Всё прекрасно! Мы с Александром Николаевичем разобрались с новой параформалиновой камерой. И с аппаратом Рентгена. И стерилизовали новые наборы операционных инструментов! Как хорошо, когда есть большие средства!

Кравченко смущается ещё больше, он, пожалуй, даже сконфужен, хотя Ася ничего такого не имела в виду. Она чувствует, что он принял это на свой счёт – хотя и не понимает, почему.

Ася:

Я не к тому, что деньги делают человека лучше или хуже. Просто... Просто как же замечательно, что у нас вдоволь белья, и перевязочных материалов. И новый операционный стол. А не будь денег... Мне-то самой ничего не надо, я до-

ВОЛЬСТВУЮСЬ САМЫМ МАЛЫМ...

Кравченко:

Ася, вы достойны всего самого лучшего! И будь я...

И вот тут до Аси наконец доходит, что Кравченко испытывает к ней мужской интерес. Она вспыхивает, опускает глаза, ей он очень приятен (в отличие от Концевича), но не настолько, насколько интересен Белозерский. Пока она соображает, Кравченко, помрачнев – выходит, так же тихо, как вошёл. Она не сразу замечает.

Ася:

Владимир Сергеевич, вы очень хороший человек...

Поднимает взгляд – его уже нет.

9-14. Инт. Дом Белозерского/каминная. День.

(Вера, Белозерский.)

Носятся вокруг дивана, Белозерский пытается поймать Веру.

Белозерский:

Да! Дружба у нас с Асей! И не более того! Думал, уж ты-то даёшь право мужчине и женщине на дружбу!

Вера:

(передразнивая) Уж я-то – да!.. Да не все женщины дают мужчине это право!

Белозерский поймал её. Схватил в крепкие объятия.

Белозерский:

Вы уже больше месяца испытываете моё терпение!

Вера:

Не здесь!

Белозерский:

Папа в отъезде...

Вера одаривает его замораживающим взглядом: «щенок ты и есть – щенок!» От такого взгляда он сам её выпускает, недоумевая.

Вера:

(кивая в сторону двери) Такое горничным шепчешь?... Как и нашей незаконной пациентке барский сынок шептал?... Или сам барин.

У него на лице: оскорблён в лучших чувствах. Вера саркастично усмехается: «обидчивый щенок!»

9-15. Инт. Дом Белозерского/холл. День.

(Бельцева, Лакей Василий.)

По лестнице спускается Бельцева – она много лучше себя чувствует, аборт выполнен под адекватным обезболиванием, стерильными специально для этого предназначенными инструментами, умелыми руками. Судя по её повадке, Вера не ошиблась в «диагнозе» и Бельцева действительно горничная. Бельцева безошибочно идёт к боковой двери – «каптёрке» лакея Василия. Тихо стучит. Выходит лакей Василий.

Бельцева:

Прошу прощения. Вы не могли бы меня выпустить через чёрный ход.

Он кивает. Взгляд Василия исполнен сочувствия.

9-16. Нат. Дом Белозерского/чёрный ход. День.

(Лакей Василий, Бельцева.)

Лакей Василий провожает Бельцеву. С него слетела наносная чопорность, он сейчас добрый простой человек. Достает ассигнации, неловко пытается ей сунуть.

Лакей Василий:

Ты это... Если в доме, где служишь, балуют – уходи.

Бельцева:

Как же – уходи? Это моё первое место. Куда без рекомендаций?

Лакей Василий:

Куда-куда... На Кудыкину гору!.. Куда-нибудь же можно!

Бельцева решительно отодвигает его руку с деньгами.

Бельцева:

Спасибо! Мне в этом доме и так помогли. Баре и барчуки везде балуют. Вы и сами, поди, горничных зажимаете! А откажет – со свету сживёте!

Лакей Василий обескуражен совершенно искренне. И огорчён абсолютной уверенностью горничной в том,

что она говорит – настолько это прочувствованно. Она понимает, что лично его она обидела зря. Говорит чуть мягче:

Бельцева:

Пойду я. Вечером у господ бал... (*язвительно*) Как бы у госпожи нервного припадка ни случилось.

9-17. Инт. Дом Белозерского/холл. День.

(Вера, Белозерский, Лакей Василий.)

Вера и Белозерский спускаются по лестнице. Белозерский надутый. Вера говорит совершенно обыденно:

Вера:

Приходи ко мне вечером.

Белозерский весь вспыхивает от радости. Вера окорачивает его пыл ироничным тоном.

Вера:

Только хвост павлиний дома оставь. Или в бордель занеси. И в клинике веди себя в соответствии с субординацией. Что до Анны Львовны: или руку и сердце предлагай, или голову дружбами не морочь. Она до дружб ещё не доросла. И слава богу!

Со стороны чёрного хода появляется Василий, немного не в своей тарелке. Белозерский этого не замечает, в отличие от Веры.

Вера:

Василь Андреич, что с тобой?

Лакей Василий:

Проводил... барышню.

Вера:

С этими барышнями не только твой молодой барин сядет. Но и старый – состояния и званий лишится. Должен же быть в этом доме хоть один разумный человек!

Смотрит на Василия. Он чуть с сердцем – позволяет быть собой:

Лакей Василий:

Я что могу?!...Могу только рядом поселиться, передачи носить!

Вера тронута его преданностью – от души. Гасит свои чувства иронией:

Вера:

Хоть хорошо платят?

Василий кивает, «шутку понял», отвечает, хоть и с горечью, но тоже иронично:

Лакей Василий:

Если как пособник не пойду – лет на двадцать банковского счёта на передачи достанет. Я экономный.

Вера пожимает Василию плечо. Обращается к нему.

Вера:

Николай Александрович из Берлина вернётся...

Удивлённый и даже ревнивый взгляд Белозерского: Вера не только в курсе, что отец в отъезде, но и знает, куда он отправился.

Вера:

Я ему самолично устрою!

Идёт на выход. Белозерский за ней.

9-18. Нат. Господский дом/у подъезда. День.

**(Госпитальный Извозчик, Георгий,
прохожие, Концевич, Бельцева.)**

Госпитальная карета стоит у подъезда господского дома. На козлах сидят Госпитальный Извозчик (надут) и Георгий (словоохотлив).

Георгий:

И много у вас работы?

Госпитальный Извозчик:

Как откроемся – узнаешь!

Пауза. Извозчик никак не хочет идти на контакт

с Георгием, что для него нехарактерно. Георгий не любит подобных невнятных ситуаций. Решает выяснить напрямую.

Георгий:

Так, Иван Петров! Когда и чем я тебе насолить успел? Я, знаешь, не люблю, когда товарищ на меня непонятный зуб имеет.

Госпитальный Извозчик:

Ишь ты, зуб! Моего зуба ещё заслужить надо!

Георгий:

Ну ты... бобёр!

Из господского подъезда выходит Концевич, с саквояжем; на лице – брезгливо-надменное выражение. Георгий, кивая на Концевича, обращается к Извозчику:

Георгий:

Этот, понятно, таким уродился. Но ты ж, я чую, другой!

Концевич садится в карету.

Георгий:

И? Чего?... Ни слова?!

Госпитальный Извозчик тоже очень хочет ляпнуть что-нибудь про Концевича, но сам себя окорачивает:

Госпитальный Извозчик:

А ни слова – значит сказать нечего. Едем!

Понукает лошадь. Трогают. По улице, к господскому дому, идёт Бельцева. Бледная. На неё обращает

внимание Георгий. К Извозчику:

Георгий:

Девица – ровно полотно.

Госпитальный Извозчик молча правит,
демонстративно не обращая внимания на Георгия.

Георгий:

Я ж не так просто... Я ж с доктором живу. С Верой Игнатъевной!

Извозчик бросает на Георгия ошарашенный взгляд, искоса. Веру Игнатъевну он уважает. Георгий не так интерпретирует взгляд.

Георгий:

Да не в том смысле «живу», дундук-бурундук! В смысле: я за неё в огонь и в воду.

9-19. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

(Вера, Концевич, Кравченко.)

Вера и Кравченко проводят совещание. Стук в дверь. Заходит Концевич. Кладёт бумаги с отчётами о вызовах перед Верой.

Концевич:

Ещё один нервный припадок. Итого за истекшую неделю опробованного модуса: двенадцать нервных припадков – все в возрасте прекращения функционирования яичников; пять вздутых животов, и один приступ подагры.

Вера:

Все обслуженные семейства купили страховой полис клиники, и не вижу ничего зазорного в том, чтобы за деньги выслушать жалобы, поставить клизмы...

Концевич:

...и дать невыполняемые рекомендации по воздержанию в возлияниях.

Вера:

Дмитрий Петрович, не забываетесь! Из этих денег образуется, в том числе, ваше жалованье.

Кравченко:

Но сколько сил и ресурсов будут отнимать подобные пациенты, когда клиника начнёт работу.

Вера, строго глянув на него – именно Кравченко был основным противником тезиса Белозерского-Старшего о том, что медицина такой же товар, как и любой другой. Сама она может не разделять точку зрения донора, но коль скоро она пользуется его деньгами – обязана соответствовать. Отвечает Кравченко:

Вера:

Значит, мы обеспечим работой большее число молодых ординаторов. Чем улучшим и их качество жизни.

Оглядывает обоих: вопросы, господа?!

Концевич:

Дело даже не в том, что... Просто все эти «высокие особы» – ужасные пациенты! Они нетерпеливы, избалованы! И наличие хотя бы и лёгкого недомогания, происходящего от их истеричности, неправильного образа жизни, – ставят в вину врачу.

Вера:

(к *Кравченко*, слегка ехидно) Дмитрий Петрович ещё не знает, что самым громким успехом и самыми большими гонорарами пользуются именно те врачи, которые способны часами выслушивать ипохондриков и выписывать ненужные пилюли.

Кравченко:

...И о которых понимающие дело товарищи отзываются с презрением. И к помощи которых ни один из самих врачей обращаться не станет.

Вера:

Господа! Оставьте свой псевдопрофессиональный снобизм. Я пока не наблюдаю, чтобы взбалмошная дамочка в климаксе отвлекала вас от дел спасения жизней. Обещаю вам лично клизмить вздутый живот, коли ваши руки будут заняты брюшной аортой!

Вера говорит это таким тоном, что её собеседники понимают: возражать нечем и бессмысленно, разговор

окончен.

9-20. Нат. Господский дом/у подъезда. День.

(Господский Лакей, Бельцева.)

Из дому выходит Господский Лакей – бежать по какой-то господской надобности – на ступеньках без сознания лежит Бельцева. Он к ней, тормошит – без эффекта. Он берёт её на руки, заносит в дом.

9-21. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

(Вера.)

Вера стоит у окна. Задумалась, нахмурившись. Решительно идёт к столу, тянет руку к телефону – тут он звонит. Она вздрагивает от неожиданности, берёт трубку.

Вера:

Клиника Святого Георгия, доктор медицины Данзайр!

Слушает. Ещё больше нахмуривается. Берёт

карандаш, записывает адрес. Видит бумаги от Концевича – сверяет адрес с верхним листом, там вызов последнего «нервного припадка» – совпадает.

Вера:

Сейчас будем.

9-22. Инт. Господский дом/холл. День.

(Вера, Господский Лакей.)

Господский Лакей открывает двери, входит Вера.

Господский Лакей:

Прошу наверх! С хозяйкой опять припадок случился.

Вера стремительно поднимается по лестнице, в решительном настроении. Господский Лакей за ней.

Господский Лакей:

Горничная шлялась неизвестно где. А как явилась – так ей, вишь, нехорошо. Чаем покрепче и послаще, понятно, отпоили.

Вера резко останавливается, Господский Лакей на неё натывается.

Вера:

Кого?!

Господский Лакей:

Горничную, знамо дело. Хозяйке прежний ваш доктор сказал крепкого и сладкого не пить. Не возбуждать нервную систему.

Вера быстрее наверх – в куда большей тревоге (приехала она в решительности навалить господам за ложные вызовы по пустякам; очевидно, её теперь больше беспокоит горничная).

9-23. Инт. Господский дом/столовая. День.

**(Хозяйка, Хозяин, Бельцева,
прислуга, Вера, Господский Лакей.)**

Все окна в столовой нараспашку, холодно. Хозяйка лежит на кушетке, вокруг неё собралась прислуга, в числе прочих – Бельцева (белая, как мука). Вера стремительно заходит (за ней семенит Господский Лакей) в столовую, видит Бельцеву. Бельцева её узнаёт, но, как и обещано – виду не подаёт. Вера идёт напрямик к Бельцевой, игнорируя Хозяйку, молча берёт её запястье, щупает пульс, глядя на свои часы.

Хозяйка:

Душно! Жарко! Задыхаюсь! Кто ещё здесь?!

Вера рекомендуется холодно, в пространство, для пущего весу, хотя не любит титулы, но тут как раз тот случай, когда они необходимы:

Вера:

Княгиня Данзайр, доктор медицины, глава клиники Святого Георгия.

Хозяин:

(К Вере) Помогите жене, ей плохо!

Вера сканирует взглядом Хозяина, смотрит на Бельцеву – отмечает и его мельком взгляд на Бельцеву, слишком уж обеспокоенный, но вовсе не состоянием девушки (равно и состоянием жены он не слишком озабочен, для проформы суетится), трусливый взгляд, нашкодивший.

Вера:

(демонстративно громко, в сторону Хозяйки) Когда последняя менструация?!

Прислуга смущается, опускает глаза; хозяйка громко ахает таковой бестактности, театрално «лишается чувств», откинувшись на подушки.

Хозяйка:

Ах!

Вера:

Понятно. Пятьдесят пять уже есть. Вот и жарко. *(к Хозяину)* Приливы у вашей драгоценной супруги.

Бельцева беззвучно валится кулём, Вера подхватывает её на руки, идёт с ней на выход. Громко обращаясь к Хозяину.

Вера:

Я и помогаю тому, кому плохо. Госпитализирую вашу горничную в Царско-Сельскую клинику. Мы пока закрыты. Счёт вам присылать?

Красноречиво смотрит на Хозяина. На него же из-под прищуренного глаза смотрит и Хозяйка – похоже, она в курсе, или подозревает мужа в связи с горничной. Но выйти из «обморока» пока не считает приличным. Хозяин, на лице которого промелькнула гамма чувств, предпочитает почти незаметно утвердительно кивнуть. Вера на выход с Бельцевой. Хозяин идёт за Верой, тихо:

Хозяин:

С женой-то что делать?

Вера отвечает тоже тихо, но жёстко, красноречиво кивая на бесчувственную Бельцеву:

Вера:

То, что, вот, с ней делали. И желательно – регулярно. Жене уже и приплод не грозит.

Жена не слышит, что там они говорят у дверей, громко охнув, «выходит» из обморока.

Хозяйка:

Мне кто-нибудь поможет?!

Вера:

(громко, полуобернувшись) Конюх помоложе!

Выходит. Хозяйка грозно глядит на Хозяина. Потупившаяся прислуга пытается сдерживать злорадные ухмылки.

9-24. Нат. У подъезда к Царскосельскому госпиталю. День.

**(Вера, Госпитальный Извозчик, Георгий,
Бельцева, посетители, персонал, Покровский.)**

Госпитальный Извозчик и Георгий (принимает носилки) выносят Бельцеву из кареты. Вера сопровождает, все её беспокойства сейчас о пациентке и о том, как выкрутиться из щекотливой, опасной для неё и для Белозерского, ситуации с абортom; ситуации, опасной и для самой Бельцевой. Группа идёт ко входу. Мимо, в числе прочих, проходит господин Покровский (крепкий породистый мужчина лет пятидесяти пяти-шестидесяти). Вера ни на что и ни на кого не обращает внимания. Господин Покровский тоже в своих мыслях. Поравнялись... И тут Бельцева открывает глаза: пришла в себя. Вера приостанавливает носилки, к Бельцевой (следующие её вопросы выглядят, будто она проверяет сохранность ментальной функции

пациентки):

Вера:

Какой сегодня день?!

Бельцева:

Вторник.

Господин Покровский, услышав голос Веры, застывает на месте, хотя уже прошёл. Но пока не оборачивается.

Вера:

(к Бельцевой) Знаешь, кто я?

Бельцева – сообразительная, – через короткую паузу она отрицательно качает головой (хотя глаза говорят: «да; но я всё помню и всё понимаю»)

Бельцева:

Нет.

Вера:

Я – врач. У тебя случился выкидыш. Ты потеряла ребёнка.

Вера, несмотря на жёсткий тон, ласково гладит Бельцеву по руке. Та благодарно пожимает пальцы Веры в ответ, закрывает глаза, стекает слеза – выглядит всё естественно. Впрочем, Бельцева действительно переживает то, что потеряла ребёнка, грех гложет её душу – она воспитана в традициях; но и благодарность к Вере она испытывает. Вера молча кивает. Трогает Георгия (у головного конца носилок) за плечо: пошли. Покровский оборачивается. Смотрит Вере вслед.

Вера чувствует взгляд – как чувствует пристальный заинтересованный взгляд любой человек, тем более такой опытный и чувствительный, как Вера. Она оборачивается – видит посреди прочих, – только спину удаляющегося Покровского. Не узнаёт. Хмурится, не понимая почему. Заходят в клинику с носилками.

9-25. Инт. Царскосельская клиника/ кабинет первичного осмотра. День.

(Вера, Врач клиники, Бельцева.)

Врач Клиники, мужчина средних лет. Бельцева лежит на кушетке. Врач записывает с Вериных слов.

Вера:

Поступил телефонный звонок, горничная Бельцева, из обслуживаемого нами дома. Жалобы на слабость, кровотечение. Самопроизвольный выкидыш.

Врач клиники:

Не замужем?

Горничная краснеет. Вера строго, «объясняя» то, что и так понятно врачу: была бы замужем – не служила бы горничной.

Вера:

Горничная!.. Осмотрена мною. Необходимые назначения: эргометрин, холод на низ живота.

Врач клиники:

Зачем госпитализировали?

Вера:

Для восстановления организма. Кровопотеря. Соответственно – слабость. А у господ нынче балы, покоя не будет.

Врач клиники:

Всё-таки... Не замужем. Выкидыш. Мы в таких случаях обязаны сообщать...

Вера:

(перебивает) Вы подвергаете сомнению МОИ слова?

Врач клиники:

Скорее... *(запинается)*

Вера:

Скорее: слова этой несчастной девушки, которую вы укоряете тем, что она не замужем?! Или... Если я вас верно поняла – и ещё чем похуже?! Преступными намерениями?!

Врач Клиники под тоном Веры невольно поднимается, чуть не вытягивается во фронт, смущён. В Царскосельской больнице все хорошо знают, кто такая княгиня Данзайр и отлично осведомлены о её дружбе с императрицей.

Врач клиники:

Что вы, Вера Игнатьевна! Я сам всю эту полицейскую возню не люблю! Да и они эти случаи не горят желанием разби-

рать...

Вера:

(холодно, насмешливо) Можно ведь и разобраться ненароком!

Врач Клиники понимающе кивает, печально усмехается, расслабляется, садится, пишет, проговаривая.

Врач клиники:

Эргометрин, холод, покой. Три дня.

Вера, глянув на Бельцеву, измождённую от трудов и нервов, не говоря уже об операции аборта и кровотечения:

Вера:

Пять. Пять дней полного покоя. И стол пропишите офицерский.

Врач хочет возразить, но Вера ангельски уставилась на портрет государыни императрицы (которая и осуществляет патронат Царскосельского госпиталя).
Врач кивает.

Вера:

(к Врачу Клиники) Оставьте нас наедине.

Врач клиники:

(вставая) Конечно, княгиня!

Выходит. Вера подходит к Бельцевой, садится на край кушетки, берёт её за руку. Бельцева бросается

целовать Вере руку.

Вера:

Прекрати немедленно, дура! Я не тебя спасаю! Я себя спасаю! И молодого доктора! Как выпишут – приходи. Вот... *(достаёт из кармана визитную карточку, отдаёт Бельцевой)* Нам нужны сёстры милосердия.

Бельцева благодарно смотрит на Веру, начинает плакать, шепчет:

Бельцева:

Спасибо!.. Меня хозяйка со свету сживала. Идти некуда...

Вера встаёт, качает головой, смотрит в окно. Взгляд печальный, холодный, жёсткий.

Бельцева:

Я хотела его родить... Но – как? Куда? На что жить?

Вера:

Я знаю одну чудесную женщину – она смогла. Но какой ценой?! Продавая себя...

Бельцева:

Ей пришлось... торговать своим телом?

Вера, не оборачиваясь, горько усмехается. Моргает, скатываются слёзы.

Вера:

Хуже... Душой.

Оборачивается, видит перепуганный взгляд

Бельцевой.

Вера:

Она хотела спасти женщин. Но... женщины не хотели спасаться. И она вынуждена была пойти на сделку с собственной совестью. По ряду причин. В том числе – из-за своего дитя. Так что, может, как у тебя – не худший исход. Ты – свободна.

Бельцева:

Почему же вы плачете?

Вера:

Потому что я... свободна.

9-26. Инт. Публичный дом/ квартира хозяйки/гостиная. День.

(Лариса Алексеевна, Сапожников.)

Лариса Алексеевна пишет письмо, довольная, радостная. В гостиную входит Яков Семёнович Сапожников.

Сапожников:

Девицы осмотрены, дражайшая Лариса Алексеевна. Клёпа на удивление быстро идёт на поправку, но к господам её ещё нельзя.

Лариса Алексеевна:

Сама долго не захочет. Она теперь решила в порядочные женщины податься.

Сапожников:

(с ехидной готовностью) А и слава богу! Так и представляю Клёпу сельской учительницей. Или... сестрой милосердия.

Хихикает. Лариса Алексеевна поднимает на него суровый взгляд.

Сапожников:

Молчу, молчу! Да только вы лучше меня знаете, любезная, кто в это ремесло попал – другой жизни не захочет. Как бы тяжело ни было – это надо сбой иметь здесь *(показывает на голову)* и здесь *(прикладывает руку к груди)*. *(меняя тему)*... Как сынок?

Лариса Алексеевна:

Прекрасно! Первый ученик на курсе. Уж русский забывать стал. Вот выучится – и к нему поеду.

Сапожников:

И чем займётесь?

Лариса Алексеевна:

Внуков буду растить.

Сапожников:

Хорошо бы! Да только деткам мы нужны пока им помогать способны. А внуков тех ещё иди знай, когда получите. И получите ли вообще. Стали бы вы этим *(жест, имея в виду*

бордель) заниматься, если бы не нужды сына?

Лариса откладывает письмо, устывает сурово на врача.

Лариса Алексеевна:

Я же надеюсь...

Сапожников:

Вашу тайну знают только присутствовавшие на родах: я и Вера Игнатьевна. За княгиню Данзайр поручаться не надо. А я, может и не такой уж чести человек, но испытываю невероятное удовольствие все эти годы наблюдать всеведающего самодовольного Андрея Прокофьевича.

Лариса знает, что Яков Семёнович куда добрее, чем желает показаться. И любит её. Встаёт, идёт к нему, обнимает.

Лариса Алексеевна:

Сейчас чаю попьём, старый дурак.

Он обнимает её в ответ, говорит с горечью:

Сапожников:

Избаловала ты сына, Ляля. Страшно избаловала. Ни в чём отказу не знал, и не знает. Он хорош собой, умён и очень эгоистичен. Весь в папашу. Как бы беды ни вышло.

Лариса отстраняется, шутливо стучает его кулачками по груди. Крестится, при этом трижды сплёвывая через левое плечо.

Лариса Алексеевна:

Не карчай!.. Мальчишка и должен быть красив, умён и эгоистичен. Вон, Сашка Белозерский каков? И никаких бед!

Лариса ещё раз плюёт через левое плечо. Яков Семёнович смотрит на Ларису с печалью. Прикладывает руку к груди – как когда говорил о проститутках.

Сапожников:

У наследника императора кондитеров здесь не сбоят.

9-27. Нат. Клиника/задний двор. День.

**(Белозерский, Бригадир, Вера,
Госпитальный Извозчик, Георгий.)**

Бригадир (в возрасте, из 1-й сцены) курит на крыльце. Из клиники выходит Белозерский – ему сейчас заняться нечем, а подмеченная им у Бригадира анизокория не даёт ему покоя. Бригадир скорее весел, чем зол, но к доктору относится с покровительственным пренебрежением. Как и к медицине в целом.

Белозерский:

Перекур? Хорошее дело. Позвольте, я вас осмотрю. Считай, две папиросы выкурили. Это не больно, недолго, и к тому же – бесплатно!

Бригадир:

Что ж вы ко мне, доктор, прицепились-то, как репей до собаки! Говорю ж вам, я здоров! Да и толку от вас, докторов!.. У меня доктора племяша зарезали.

Белозерский:

Это как?!

Бригадир:

А так! Лечили-лечили, надоело, видать. Так они: хрясь по горлу – и зарезали!

Белозерский:

Это очень печально. Но разрешу себе усомниться в вине врачей. Предполагаю, у вашего племянника был дифтерит. Вероятно, плёнками забило дыхательные пути и доктор выполнил трахеотомию...

Бригадир начинает раздражаться. Во двор заезжает госпитальная карета.

Бригадир:

Не знаю, что там разрешу, предполагаю и вероятно, однако к вечеру, как утром зарезали, племяш отмучился.

Белозерский незаметно выдыхает: то есть он прав, и ребёнок умер от дифтерита, а не от «хрясь по горлу». Карета уже подъехала. Из салона выходит Вера, идёт к крыльцу, доставая портсигар. Смотрит на Бригадира – тоже подмечает анизокорию, на свету она сильнее, чем в коридорах клиники. Смотрит на Белозерского вопросительно – тот пожимает плечами.

Белозерский:

Вот, Вера Игнатьевна. Хочу обследовать, а он отказывается. Не верит в медицину и докторов.

С козел тем временем спускается Георгий, несколько медленнее, чем это бы делал совершенно здоровый человек. Госпитальный Извозчик спрыгивает быстрее и ловчее. Белозерский тихо, к Вере, кивая на Георгия:

Белозерский:

Как он?

Вера:

Ничего. У него с головой всё в порядке. *(К бригадиру)* А вот у тебя...

Вера задумывается. То, что на него с тревогой смотрит глава клиники – настораживает Бригадира.

Бригадир:

Всё у меня в порядке! Особенно с головой! И руками я соображаю получше, чем эти ваши, после университетов, в форменных тужурках. Будто мундир чего добавить может. *(выразительно стучит по лбу)*

Вера:

(своим мыслям, рассеянно)... Или убавить... *(К Бригадиру)* Слушай, Матвей, ты – человек мастеровой, с инженерным складом ума. Совет твой нужен, мы тут с одной штукой не до конца разобрались.

Вера незаметно подмигивает Белозерскому.

Бригадира раздуло от гордости – глава клиники оценила его и совета просит.

Бригадир:

Это – всегда пожалуйста с нашим удовольствием!

9-28. Инт. Клиника/комната с рентген-аппаратом. День.

(Бригадир, Вера, Белозерский.)

Заходят в комнату с рентген-аппаратом. Белозерский надеется, что агрегат удивит Бригадира, всё-таки чудо научной мысли, воплощённое в реальную технику. У того же, напротив, скептическое выражение лица. Подходит поближе, рассматривает тумблеры.

Бригадир:

Знаком мне подобный агрегат. В девяносто шестом году мы в Кронштадтском госпитале работали. Я инженеру Попову аккурат такой собирал... У вас тут хоть и буквочки заграничные, а так – точь-в-точь.

Белозерский:

Попову?! Александру Степановичу?

Бригадир:

Кому ж ещё?

Белозерский:

Почётному инженеру-электрику, ректору Санкт-Петербургского императорского электротехнического института Александра Третьего? Статскому советнику Попову?!

Бригадир:

Ему, батюшка, ему! Только в девяносто шестом он ещё попроще был, вроде вас сейчас. Так уж я его многому научил...

Вера только беззвучно смеётся, Белозерский глаза тарашит: «ну ты и наглый...». Бригадир очень важный.

Бригадир:

Что вам, господа доктора, с этой хреновиной непонятно?!

9-29. Инт. Клиника/комната с рентген-аппаратом. День.

(Бригадир, Вера, Белозерский.)

Бригадир лежит на цинковом столе, над головой – мобильный модуль с лучевой трубкой. Белозерский устраивает Бригадиру голову поудобней.

Вера:

Ты, Матвей Макарович, нам шайтан-машину наладил – на тебе и пробуем.

Бригадир с наигранным недовольством русского умельца, который нисколько в себе не сомневается, бит жизнью.

Бригадир:

Вот всё у нас так: кто дело делает – тот и в ответе. А ничего не делай – и будешь всегда правым!

Белозерский:

Се ля ви.

Бригадир:

Жить широко – хорошо, но и уже – не хуже.

Вера корчит Белозерскому рожицу: вот так тебе, с твоим французским! Белозерский невербально: не поспоришь! Вера обращается к Бригадиру.

Вера:

Матвей, полтора часика отдохни. Не шевелясь.

Бригадир:

Знаю я процедуру, у меня от Попова изображение руки есть. Жена – страсть боится. Так уж я ей как свою голову принесу...

Смеётся. Обрывается. Нарочито серьёзнееет, облекаясь ответственностью.

Бригадир:

Давай, нажимай, Александр Николаич. А я, и правда, устал, посплю. Я умею спать по стойке «смирно!»

Закрывает глаза.

9-30. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

(Вера, Белозерский.)

Вера и Белозерский рассматривают пластину со снимком черепа Бригадира.

Белозерский:

Гигантское новообразование правой половины и основания черепа.

Вера:

Без признаков нарушения функций мозга.

Белозерский:

И что мы будем делать?

Вера:

Ничего.

Вера идёт к столу, садится, кладёт снимок на стол, приклеивает к снимку в правом нижнем углу бумажную карточку, пишет: *Матвею Макаровичу Громову от главы клиники Святого Георгия с благодарностью за помощь в техническом обслуживании аппарата Рентгена-Попова.* Белозерский в растерянности, удивлён спокойствию Веры.

Белозерский:

Как ничего?! Уже в тысячу восемьсот сорок четвёртом году профессор Харьковского университета Тито Ванцетти удалил подобную опухоль...

Вера:

(не отрываясь от подписывания)...И больной скончался на тридцать вторые сутки от инфекционных осложнений.

Белозерский:

Но асептика и антисептика с тех пор значительно продвинулись! И уже накоплен опыт...

Вера заканчивает писать, поставив размашистую подпись; смотрит на Белозерского строго, перебивает его тираду:

Вера:

Старший ординатор Белозерский!

Он уставился на Веру. Её задача – отвлечь его сейчас от понесшейся скачки идей. Она, помахав снимком:

Вера:

Матвей Громов – живой человек. А не полигон для наших с тобой изысканий. У него семья. И если бы твой глаз не был так пытливым, и не заметил разницу зрачков при реакции на свет... Бог знает, сколько он живёт с этой опухолью. И бог ещё знает, сколько проживёт.

Белозерский:

Но как же...

Вера:

Вот если мы полезем с пилой ему в башку – он скорее всего умрёт!

Белозерский:

Но почему же...

Вера:

И мы даже говорить ему ничего не станем!

Белозерский:

(в отчаянии) Но зачем же мы знаем?! К чему все эти чудесные аппараты, если мы ничем не можем помочь?! Как же: мы даже не попытаемся?!

Вера:

Саша...

Вера встаёт из-за стола, берёт снимок, подходит к Белозерскому, ласково берёт его за плечо:

Вера:

Даже если мы ему скажем – нужно его согласие на операцию. А он откажется. И будет жить, зная. Не веря – но уже зная. И нет хуже мук сомнения. Сомнения – единственный дар знания. Оставим ему его веру. Веря в то, что здоров, наш славный Матвей проживёт ещё достаточно. Отнеси ему.

Белозерский механически принимает снимок, пробегает подпись Веры. Поднимает на неё всё ещё растерянный взгляд.

Белозерский:

Но зачем тогда всё это?! Зачем нам знать, если мы ничего

не можем сделать?!

Вера усмехается. Смотрит на Белозерского.

Вера:

Когда Адам проглотил оскомину от яблока с древа познания, первое, что он сделал – уставился на Еву примерно с таким же выражением и задал ей тот же вопрос.

Белозерский спрашивает совершенно серьёзно:

Белозерский:

И что она ответила?

Вера:

Она ответила: «Я только предложила. Ты мог отказаться».

Вера идёт за стол, давая понять: свободен.

Белозерский:

Но я не отказался!

Вера смотрит на него, изображая Еву, в меру шутливо, в меру – грозно:

Вера:

За своё решение я расплачиваюсь тем, что в муках рожаю детей. (*Намекая на произошедшее сегодня*) НЕ рожаю – в ещё больших! И ты смеешь ко мне лезть с непроваренным яблоком?! Пошёл вон!

9-31. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Бригадир, Георгий, Госпитальный Извозчик, Белозерский.)

Госпитальный Извозчик и Бригадир разговаривают. Георгий на ступеньках курит, потирая бедро. Усмехается иным словам Извозчика – тот, хоть и типа занят беседой, – однако всё отмечает.

Госпитальный Извозчик:

На что мне электричество в конюшне?! Нам с лошадьми балы после заката не давать!

Бригадир:

А как кобыла ночью рожать начнёт?

Госпитальный Извозчик:

У меня здесь не завод! Господам денег некуда девать – а я боюсь.

Бригадир:

Чего ж ты боишься, тёмный ты человек?! Тебе только рычажок туда-сюда елозить.

Госпитальный Извозчик пожимает плечами.

Госпитальный Извозчик:

Да чёрт его знает! А только если электричество – явление

природы – то его надо бояться! Вот ты мне тут про молнии объяснял...

Выходит Белозерский.

Белозерский:

Матвей Макарович!

Подходит к ним. Протягивает Бригадиру пластину с рентген-изображением черепа.

Белозерский:

Это вам! Спасибо за помощь!

Бригадир берёт, пробегает запись Веры, важно кивает, показывает снимок любопытничающему Извозчику.

Бригадир:

Гляди, Иван Ильич!

Госпитальный Извозчик, увидав изображение черепа, пугается, крестится.

Госпитальный Извозчик:

Святые угодники!

Сплёвывает. Белозерский смеётся. Усмехается Георгий, чуть скривившись от боли в культе.

Бригадир:

Без электричества эта бесовщина была бы невозможна! Мне господин Попов всё объяснил. Нужен ток в катодной трубке...

Смотрит на выкатившиеся шары Извозчика, машет рукой: «без толку!»

Бригадир:

А!

К Белозерскому, немного помолчав. С якобы насмешливым пренебрежением.

Бригадир:

Нашли у меня чего, господа доктора?

Белозерский:

...Нет. Здоров ты, Матвей Макарович.

Бригадир:

(рассматривая снимок черепа) Смерть сама знает, когда

к кому...

Госпитальный Извозчик, опасливо глянув на снимок, и ещё раз перекрестившись, резюмирует:

Госпитальный Извозчик:

Во-во! И электричество ваше ей для этого ни к чему.

9-32. Нат. Клиника/задний двор. День.

**(Бригадир, Георгий, Госпитальный
Извозчик, Белозерский, Матрёна Ивановна.)**

Бригадир и Госпитальный Извозчик уходят в сторону конюшни. Белозерский садится рядом с Георгием.

Белозерский:

Болит?

Георгий:

Когда ходишь – нет. Но уж как присядешь, или того хуже – приляжешь!.. *(махнув рукой, меняет тему)* Слушай, Александр Николаевич, а что за человек наш извозчик?

Белозерский:

Иван Ильич? Славный мужик.

Георгий:

Сдаётся, невзлюбил он меня.

Белозерский:

Быть не может! Он только таких *(жестикуляция: таких-сяких, высокомерных)* не любит. Таких как ты, он всегда привечает. *(шутливо толкает Георгия).*

На пороге появляется Матрёна, нехарактерно мила.

Хотя и насупливается, увидав Белозерского.

Матрёна Ивановна:

Георгий Романович, идёмте обедать. Уж давно пора.

Георгий поднимается – первые движения отражаются болью на лице. Белозерский встаёт, хочет подать ему руку. Мимика Георгия, не видна Матрёне: «не вздумай, барин!» Встаёт, разворачивается.

Георгий:

С удовольствием, Матрёна Ивановна!

Пропускает её вперёд, жест: «прошу!» Заходит, подмигнув Белозерскому. Белозерский делает бровушками, глядит в сторону, куда ушёл Госпитальный Извозчик, затем на дверь. Соображает, отчего невзлюбил Извозчик Георгия: из ревности к Матрёне.

Белозерский:

Вот оно что!

Зеркалит Верину реплику из сцены в кабинете:

Белозерский:

Она только предложила. Ты мог отказаться!

Усмехается, заходит в клинику.

9-33. Инт. Клиника/ординаторская. День.

(Белозерский, Концевич, Кравченко.)

Белозерский собирается, снимает белый халат, вешает в шкаф. Кравченко сидит за столом с бумагами. Заходит Концевич. Белозерский в прекрасном настроении (вечером к Вере).

Белозерский:

Хорошего дежурства не желаю, Дмитрий Петрович! Плохая примета... Эх, скорей бы уже открылись!

Жмёт руку Концевичу, хлопает по плечу. Салютует Кравченко:

Белозерский:

Владимир Сергеевич!

Выходит из ординаторской. Концевич сел на подоконник, достал бутерброд.

Кравченко:

Дмитрий Петрович, почему с персоналом никогда не обедаете?

Концевич пожимает плечами.

Концевич:

Не любят они меня.

Кравченко:

А вы их?

Концевич снова пожимает плечами, говорит равнодушно.

Концевич:

Я к ним прекрасно отношусь. Без них – никак.

Кравченко отрывается от бумаг, смотрит на Концевича, со значением:

Кравченко:

Вы бы продемонстрировали им своё прекрасное отношение.

Концевич:

Я никогда не демонстрировал обратное.

Кравченко встаёт, даже слегка на нерве, отбросив ручку:

Кравченко:

Так продемонстрируйте прямое!

Концевич откусывает бутерброд, жуёт, ровно, без эмоций. Кравченко начинает расхаживать по ординаторской – в своих мыслях, в его повадке сейчас нет никакого отношения к Концевичу.

Концевич:

Почему Вера Игнатьевна на повторный вызов сама поехала?

Кравченко:

Видимо потому, что у неё лучше получается с прислугой, чем у вас! Души в вас нет, господин Концевич. Это для любого дела плохо.

Концевич:

В любом деле человек – всего лишь аргумент заданных функций.

Кравченко:

Вы, очевидно, окончили гимназию с отличием.

Концевич, продолжая жевать, отвечает лёгкий поклон: «да».

Кравченко:

И знаете, что даже в алгебре «аргумент заданных функций» трактуется как «неизвестная» или же «переменная».

Концевич:

И из той же алгебры мне отменно известно, что уравнение – есть равенство вида. И неважно, каким путём оно достигается.

Кравченко садится, усмехнувшись, возвращается к писанине.

Кравченко:

Отнюдь нет. Решение уравнения достигается поиском тех значений аргументов, при котором возможно равенство.

Концевич (так же спокоен и равнодушен, дожевывая бутерброд, стряхнул крошки), сминая пакет.

Концевич:

Владимир Сергеевич, вы знаете как с арамейского переводится слово «грех»?

Кравченко:

Буквально: не попасть из лука в цель.

Концевич кидает смятый пакет в мусорную корзину – чётко попал. Встаёт, идёт на выход.

9-33. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Госпитальный Извозчик, Белозерский, Ася.)

Белозерский выходит из клиники, весел. Госпитальный Извозчик сидит на ступеньках, хмурый.

Белозерский:

До завтра, Иван Ильич! Гляди веселей!

Идёт на выход. Из клиники выбегает Ася, догоняет Белозерского.

Ася:

Александр Николаевич!

Он радостно оборачивается к ней.

Белозерский:

Да, Ася?

Смотрит с искренней дружеской заинтересованностью.

Ася:

Александр Николаевич... Мне кажется, что Владимир Сергеевич... Что он...

Ася смущается. Но даже этот последний женский аргумент: вызвать ревность, – совершенно бесполезен. Ася окончательно понимает, что Белозерский к ней не испытывает ничего такого, на что она втайне продолжала надеяться. Белозерский продолжает за неё, видя её смущение и неверно считывая его как просьбу к другу о мнении, о совете:

Белозерский:

Влюблён в вас? Господи, Анна Львовна! Это все видят! Он прекрасный человек!

Ася тихо, опустив глаза...

Ася:

А вы... Вы влюблены в Веру Игнатьевну?

Белозерский берёт её за руки.

Белозерский:

Я люблю её. Это сильнее. Больше. И... хуже!.. Вы, дружок, господина Кравченко не отвергайте. Это только кажется, что он неромантичный, сдержанный. Он, всё-таки, морской офицер. И знает цену бурям.

Белозерский целует Асю в щёку – дружеский жест.

Белозерский:

До завтра, Асенька!

Идёт на выход, не оглядываясь. Ася стоит столбом некоторое время. Справляется с подкатившей слезой. Разворачивается, идёт ко входу в клинику. Садится рядом с Госпитальным Извозчиком. Не выдерживает – плачет. Тихо, без всхлипов. Просто слёзы текут. Извозчик с заботливыми отеческими интонациями бурчит:

Госпитальный Извозчик:

Ладно ты, молодая! Тебе можно. И нужно! А я, старый дурак, по Матрёне сохну. Она мне надо, мать её итить?!

Ася сквозь слёзы улыбается, прислоняется к плечу Извозчика. Он гладит её по голове, как погладил бы лошадь – это его самая душевная ласка.

Госпитальный Извозчик:

Ну будет, будет солёную воду из глаз лить! У нас теперь уборные с электричеством! Не промахнёшься!

Ася смеётся.

9-34. Инт. Квартира Веры/ коридор/лестничная клетка. Ночь.

(Вера, Покровский, Белозерский.)

Звонок в двери. Вера в довольно фривольном наряде – она ждёт Белозерского, – и в таком же легкомысленном настроении (Белозерский ей нужен не для совести, а для радости) выходит из гостиной в коридор, идёт к входной двери, открывает. На пороге стоит Покровский, придет, с цветами, с бумажным пакетом. Вера замирает. Практически – немая сцена. Покровский спокоен и уверен. Отмирает первым.

Покровский:

Здравствуй, Вера.

Вера так и молчит, не в силах пошевелиться.

Покровский:

Не знал, что ты в Питере... Я видел тебя днём. В Царско-сельском госпитале. Забавно... Сегодня утром я овдовел.

Усмехается. Вера выговаривает деревянным голосом (без трагизма, скорее с уклоном в шутовство):

Вера:

«Поздно, Дубровский. Я жена князя Верейского».

Покровский:

(усмехнувшись) Ты мало изменилась... Я войду?

Вера:

Я жду гостей.

Покровский окидывает её взглядом – наряд красноречив.

Покровский:

Скорее: гостя. Насколько я способен понять контекст. Если ты, конечно, не погрузилась в пучину дионисийских развлечений.

Слышен топот по ступеням. Вера и Покровский смотрят друг на друга. На пороге появляется довольный жизнью Белозерский (с букетом и бумажным пакетом: конфеты, бутылка).

Белозерский:

Здра!.. ствуйте.

Покровский смотрит на Веру, смотрит на Белозерского. Вера явно не собирается их представлять друг другу. Покровский берёт инициативу в свои руки. Перехватывает пакет под мышку, протягивает Белозерскому руку:

Покровский:

Покровский. Илья Алексеевич. Фабрикант. Старый друг Веры Игнатъевны.

Белозерский ошарашен, но, перехватив пакет,

протягивает руку. Рукопожатие. У обоих букеты в свободной руке и пакеты под мышками.

Белозерский:

Белозерский. Александр Николаевич. Врач... Нестарый друг Веры Игнатьевны.

Вера, не выдержав комизма ситуации, прыскает.

Конец 9-й серии

Татьяна Соломатина

Община Святого Георгия

10-я серия

Новый день

**10-1. Домик бригадира/
коридор/кухня/коридор. День.**

(Дух Бригадира, Жена Бригадира.)

Через неделю. Опрятный небольшой пригородный домик, «куркульский» (Бригадир, Матвей Макарович Громов – квалифицированный рабочий, давно бригадиром на хороших подрядах). Дух Бригадира (выглядит обыкновенным живым человеком из плоти и крови) в исподнем, почёсываясь, выходит из спальни. Потягивается, зевает, крестит рот. Идёт на кухню. У печи возится Жена Бригадира. Он подходит к ней сзади, не без игривости (хотя им уже за пятьдесят).

Дух Бригадира:

Доброе утро, Алёна Степановна!

Шлёпает её по заду – она ноль эмоций. Достает из печи горшок, ставит на стол. Он разводит руками, в недоумении – как воспринял бы любящий и любимый, если на его нехитрую ласку никак не отреагировали. Даже не посмотрели. Разводит руками. Жена продолжает приготовления к завтраку.

Дух Бригадира:

Вот те на! С вечера довольная осталась! Никак приснилось что?!

К ней, лукаво усмехаясь:

Дух Бригадира:

Как, было, тебе приснилось, что я с Зинаидой шуры-муры – так ты со мной неделю не разговаривала! Я за твои, знаешь, фантазии, Алёнушка, ответственности не несу!

Хочет обнять жену, но она – уже накрыв на стол, – выходит из кухни в коридор, не замечая его. Оставшись один, всплескивает руками, с досадой:

Дух Бригадира:

Чёртовы бабы! (*выходя за женой, ласково*) Алёна Степановна! Хоть расскажи, что тебе причудилось! Вот мне никогда ничего не чудится!

В коридоре: видит, как жена заходит в спальню. По коридору идёт кошка, самая обыкновенная, любимица

семьи. Увидела Дух Бригадира Громова – шипит, шерсть дыбом, выгнулась дугой. Дух, начиная выходить из себя:

Дух Бригадира:

Мурка, ты чего?! Побесились вы, что ли, все?!

Заходит за женой в спальню.

10-2. Инт. Домик Громова/Спальня. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Жена Бригадира.)

Дух Бригадира заходит в спальню. Останавливается на пороге, вид – ошарашенный. Видит жену, склонившуюся к постели. Слышит её ласковый голос:

Жена Бригадира:

Матвей, я завтракать накрыла. Вставай. У тебя сегодня *(важно выговаривая «мужнино» слово)* объект открывается. Костюм вычистила.

На стуле сложен «парадный костюм», внизу стоят начищенные выходные сапоги. Дух Бригадира у двери таращит глаза, силясь понять, что происходит. Крестится на красный угол. Тихо, с опаской:

Дух Бригадира:

Никак с ума сошла? С чего бы ей? Всё есть. Обихаживаю, как молодую. *(к ней)* Алёна Степановна...

Она не оборачивается. Продолжает обращаться к возвышающемуся одеялу (остальное ему не видно), присев на край кровати.

Жена Бригадира:

Будет, Матюша! Просыпайся!

Слегка тормозит одеяло. Голос меняется – она напугана. Громче, сильнее тормошит одеяло:

Жена Бригадира:

Матвей! Матвей! Господи, что с тобой!

Дух Бригадира подошёл к кровати. Жена откинула одеяло. На кровати лежит Бригадир Матвей Макарович Громов, глядя широко раскрытыми глазами на самого себя, склонившегося к ложу – головы Духа Бригадира и Жены Бригадира рядом, соприкасаются – но она Дух не видит и не ощущает. Истошно кричит:

Жена Бригадира:

Матвей!

Дух Бригадира:

Да здесь я!

Тише, ошарашено глядя на своё тело, покоящееся на кровати:

Дух Бригадира:

И там – я...

Жена вскакивает, суетится, находит маленькое зеркальце, подносит ко рту лежащего мужа – зеркальце запотевает. Она, выдохнув:

Жена Бригадира:

Живой!

Дух Бригадира тоже облегчённо выдыхает, крестится:

Дух Бригадира:

Конечно живой! Какой ещё?! Вот он я!

Хочет обнять жену – но не успевает, она – мухой за порог, он хватает руками воздух.

Жена Бригадира:

Я мигом, родной! Я скоро...

Выбегает в коридор. Дух Бригадира, оторопело глянув на себя, лежащего, – затем на рентгеновский снимок черепа, стоящий на подоконнике, и теперь выглядящий зловеще, – кидается следом за женой.

10-3. Нат. Станция. День.

(Дух Бригадира, Жена Бригадира, Станционный Смотритель, пассажир, публика.)

Жена Бригадира бежит к зданию вокзала пригородной станции, запыхавшаяся. Дух Бригадира широко шагает рядом – со стороны выглядят, как заполошенная баба, которую мужик пытается вразумить, а она будто бы от него отмахивается – на самом деле поправляя выбившуюся прядь.

Дух Бригадира:

Алёна Степановна, ты всю жизнь у меня выдумщица – вот и меня заразила. Это нам со сна чудится. Или мы вчера... с забавами переусердствовали.

Смущённо-сдержанно улыбается, по-мужски, мол: я-то ещё ого-го!

Дух Бригадира:

Да погоди же ты! Куда бежишь?!

Хватает её за руку. Жена вырывает руку.....Просто она нечаянно задела пассажира, выбив у него корзинку. Обернувшись к пассажиру:

Жена Бригадира:

Простите!

И бежит дальше. Дух Бригадира кидается поднимать корзинку – но пассажир его опередил, поднял первым.

Дух Бригадира:

Прощения просим! Чего-то баба моя заполошная с утра.

Пассажир недовольно хмыкает. На самом деле – вслед бабе, – но кажется, что в лицо Духу. Дух только рукой махнул («извинились же! Чего тебе ещё?!») – и бегом за своей Алёной.

10-4. Инт. Кабинет станционного смотрителя. День.

**(Дух Бригадира, Жена Бригадира,
Станционный Смотритель.)**

Станционный Смотритель за столом, изучает бумаги. В кабинет вваливается раскрасневшаяся запыхавшаяся Жена Бригадира (следом за ней заходит Дух Бригадира – на протяжении разговора с удивлением смотрит на Станционного Смотрителя – тот его тоже не видит), доставая из кармана бумажку:

Жена Бригадира:

Пётр Николаевич, Матвею Макаровичу плохо, надо зво-

нить – вот сюда!

Станционный Смотритель, вставая, смотрит на Жену Бригадира с недоумением, – но видимо он не привык видеть её в таком состоянии, и, значит, дело серьёзное, – тут же берёт бумажку, поднимает трубку, крутит ручку, пока ждёт соединения, спрашивает:

Станционный Смотритель:

Что с ним?

Жена показывает, как муж лежит на кровати с раскрытыми глазами:

Жена Бригадира:

Бужу его – а он ни жив, ни мёртв! Не шевелится. Но дышит.

Станционный Смотритель:

(в трубку) Барышня, госпиталь Святого Георгия!

Дух Бригадира:

Да что вы, черти!

Подходит к столу, с яростью стучает кулаком по высокой кособокой стопке бумаг – те падают, рассыпаясь, – как раз на звуке мимо проходящего состава. Жена Бригадира кидается собирать. Станционный Смотритель её окорачивает, кивая за окно:

Станционный Смотритель:

Оставь! Как раз собирался разобрать, на честном слове держались... Состав идёт. Вибрация.

Дух Бригадира:

Я – не вибрация!

Звук состава громче, стук колёс, рельсы-шпалы...

Станционный Смотритель:

Не надо видеть поезд, чтобы ощущать его присутствие...

(уже соединили, в трубку) Госпиталь Святого Георгия?

10-5. Нат. Клиника/У парадного входа. День.

**(Вера, Хохлов, Белозерский, Белозерский-
Старший, Концевич, Кравченко,
Нилов, Порудоминский, Матрёна
Ивановна, Ася, Госпитальный Извозчик,
Георгий, Бельцева, персонал, публика.)**

Все собрались у парадного входа в клинику – он обновлён, свежевыкрашен. В меру и в соответствии со статусом и должностями – нарядные, парадные и даже Госпитальный Извозчик тщательно причёсан и в новом кафтане. День открытия клиники после реконструкции. Вера завершает речь.

Вера:

... Всё это стало возможным благодаря помощи Николая Александровича Белозерского. Прекрасного человека и ве-

ликолепного гражданина, *(чуть шутиливо)* хотя и богатого.

Смех в толпе.

Вера:

Именно ему предоставляется честь открыть сегодня нашу клинику. Ибо без таких людей невозможно обновление.

Вера – отходит чуть назад, на передний план выходит Ася, подаёт на подносе хирургические ножницы Белозерскому-Старшему. Он берёт, но перерезать не спешит. Обращается к собравшимся, прежде поклонившись Вере.

Белозерский-Старший:

Благодарю вас, Вера Игнатьевна... Княгиня Данзайр употребила слово: «обновление». Очень хорошее слово. Но обновление зиждется на созидании. Потому высокая честь перерезать ленточку на обновлённой упаковке по праву принадлежит создателю содержимого. Человеку, без чьего доброго ума, щедрого сердца и талантливых рук не было бы творения, в чьём пестовании нам выпала честь участвовать. Профессор Хохлов, прошу вас!

Хохолов утирает выступившие слёзы. Его ласково подталкивают вперёд ученики. Белозерский-Старший с поклоном передаёт ему ножницы.

Белозерский-Старший:

Алексей Фёдорович, по праву родителя... *(чуть тише, с полным уважением к профессору, с лёгкой самоиронией)* Да

и хирургическими ножницами вы владеете куда лучше меня.

Хохлов с ножницами в руках поворачивается к толпе.

Хохлов:

Я надеюсь... Я уверен... Нам с супругой не выпало радости иметь детей. Но у меня есть племянница (*отвешивает низкий поклон Вере*), у меня есть все вы... (*Оглядывает собравшихся, на глазах слёзы*) У нас – есть наша клиника. Мы семья, общность, община!.. Община Святого Георгия – наш дом. И я... Я – счастлив!

...Больше ничего не может сказать. Поворачивается к ленточке, пытаясь скрыть слёзы, перерезает её на хирургический манер (одна бранша поверх другой, как перерезают завязанные узлы шовного материала, чтобы не срезать узел). Публика аплодирует. Одобрительные возгласы. Матрёна и Госпитальный Извозчик утирают слёзы, не скрываясь. К Вере тихо подходит Бельцева – в форме сестры милосердия, склоняется к уху, взволнованно шепчет.

10-6. Инт. Домик Бригадира/Спальня. День.

(Бригадир, Дух Бригадира.)

На кровати лежит – так же, как ранее утром, – Бригадир Матвей Громов. Взгляд остановился, пустой, смотрит перед собой без единого выражения. «Другой» Бригадир Громов, Дух Бригадира, стоит у окна. Взял с подоконника рентгеновский снимок черепа, рассматривает внимательно, силясь увидеть что-то значимое. Его отношение к снимку изменилось – это теперь не просто сувенир, теперь он не столько ироничен, сколько заинтересован, и любопытство его – любопытство испуганного, скрывающего свой страх.

Дух Бригадира:

Что такое!.. Может оно и есть? – «душу вынуть»! Электричество, катоды-диоды. Не надо в устройство молний лезть – не будешь из себя выпрыгивать!

Хмурит брови, ставит снимок на подоконник. Подходит к себе, лежащему на кровати, садится на край. Вздыхает. Трогает своё тело, аккуратно, без страха, с удивлением. Разводит руками.

Дух Бригадира:

И как теперь обратно?! Как в себя зайти?!

Слышит стук копыт, встаёт, идёт к окну. Подъехала новая госпитальная карета.

10-7. Нат. У домика Бригадира. День.

(Госпитальный Извозчик, Георгий, Белозерский, Жена Бригадира.)

Белозерский прыгивает из салона. Госпитальный Извозчик сошёл с козел, спускается Георгий (за истекший период отношения между ними явно не наладились, холод и отстранённость). Жена Бригадира (в беспокойстве бродившая, выглядывая карету) уже кинулась к ним, сразу к Белозерскому (костюм, саквояж, – сразу понятно, кто врач).

Жена Бригадира:

Доктор! Лежит, в потолок смотрит! И как будто...

Замолкает, не в силах сформулировать ощущения. Очевидно: она обожает мужа, переживает, но ей – страшно; отчего – она не может понять, и, значит, высказать.

Белозерский:

Здравствуйте, пройдёмте!

Он собран, деловит, и успокаивающе действует на

Жену Бригадира. Направляется к дверям, она за ним, говоря на выдохе:

Жена Бригадира:

Будто он есть, и... будто – нет его. Верчусь по комнате, чтоб его схватить... Будто вот он, рядом стоит, будто обнял... (*разводит руками в недоумении*) Так вот же он, на кровати.

Белозерский на секунду оглядывается, смотрит на неё – удивительные эмоции для простой бабы. Она кривит лицо к более нормальной реакции: слёзы. Белозерский тут же отворачивается – это уже неинтересно. Заходят в дом.

10-8. Инт. Домик Бригадира/спальня. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Белозерский, Жена Бригадира.)

Заходят Жена Бригадира с Белозерским. Она уже плачет, не в голос, тихо – но реакция её понятна, приехал врач, в её понимании – сильный и надёжный человек, – психику расслабило. Белозерский с деловым видом идёт к кровати. Дух Бригадира от окна к нему навстречу, прихватив рентген-снимок черепа.

Дух Бригадира:

Здравствуйте, Александр Николаевич! Объясните мне...

Белозерский поднимает голову. С подоконника падает рентген-снимок. Никого, разумеется, он не видит. Жена Бригадира ахает, крестится.

Жена Бригадира:

Нечисть в спальню поставил! Жутко как! Просила его – так нет! «Это, – говорит, – вещь существующая, доказанная, не то, что твои сказки и суеверия».

Белозерский садится на край кровати. Проверяет у Бригадира реакцию зрачков на свет. Это он делает, скорее, для проформы. Ему надо сообщить Жене Бригадира малоприятные новости.

Белозерский:

Понимаете ли, в чём дело. У вашего мужа... У Матвея Макаровича... У него в голове опухоль.

Жена Бригадира:

Это как?!

Белозерский, глянув на осколки снимка на полу... Понимает, что ничего не объяснит, ссылаясь на науку. В замешательстве.

Жена Бригадира:

Он скоро поднимется? У него артель. У нас дети, внуки уже... Всё на нём держатся.

Белозерский встаёт.

Белозерский:

Я сейчас ничего не могу сказать. Мы его госпитализируем, заберём в больницу. И... Скоро будет ясно. Наверное.

Выдаёт чуть надрыва:

Жена Бригадира:

Вы же доктор!

Белозерский:

Я... Я доктор. Но природа... Природа подобного состояния, обусловлена тем, что выросло у него в голове. А природа головного мозга ещё не совсем ясна...

Пятится к выходу из спальни. За спинкой кровати стоит Дух Бригадира, скептически комментирует Белозерского:

Дух Бригадира:

Природу, брат, не разъяснить. Как бабу. Можно только пользоваться.

Белозерский выходит, Жена Бригадира испуганно оглядывается – за кроватью Дух Бригадира, ласково смотрит на супругу. У неё меняется взгляд на радостный, просветлённый – будто она увидела его, узнала, она идёт к нему и... садится рядом с безучастно лежащим на кровати телом Бригадира. Гладит его лицо.

Жена Бригадира:

Я без тебя жить не буду. Так и знай. Если ты умрёшь – то и я рядом лягу и сгину!

Дух Бригадира у окна с усмешкой смотрит на любимую, говорит с ласковым скепсисом, шутливо, с рачительной ноткой, но очень нежно:

Дух Бригадира:

Сгинуть – это неизвестно куда деться. А разом два мертвеца рядом – то детям экономия на похоронах. Скидка за мелкий опт.

10-9. Нат. У домика Бригадира. День.

**(Бригадир, Дух Бригадира,
Госпитальный Извозчик, Георгий,
Белозерский, Жена Бригадира.)**

На дворе большой пёс, умный, не вертится и не брешет, наблюдает. Госпитальный Извозчик и Георгий (слегка кривится, чуть, может, запинается на пороге, – но это незаметно для остальных) выносят из дому носилки с телом Бригадира Громова. Дух Бригадира идёт рядом с носилками. Жена Бригадира и Белозерский – следом.

Жена Бригадира:

Я с вами поеду!

Белозерский:

Сейчас в этом нет ни малейшей необходимости. Я...
Мы... Руководитель клиники примет решение.

У Жены Бригадира – упёртое выражение на лице. И то, что доктор ничего не решает – и она это поняла, – на лице её тоже отразилось. Повторяет другим тоном:

Жена Бригадира:

Поеду!

Дух Бригадира, идущий рядом с носилками, усмехается.

Дух Бригадира:

Попробуй, переспорь её, ага! У меня ни разу не вышло, а я, доктор, покрепче вас буду.

Георгий, – несущий носилки с ножного конца, – спотыкается, – носилки чуть не падают. Жена Бригадира ахает. Белозерский бросается на помощь (он из присутствующих единственный в курсе инвалидности Георгия). Ситуация моментально выравнивается, помощь Белозерского не понадобилась. Георгий невербально подаёт Белозерскому знаки: «ни слова!» Госпитальный Извозчик крайне недоволен, к Георгию:

Госпитальный Извозчик:

Каши не ел?!

Дух Бригадира уставляется на Госпитального Извозчика с укоризной. Носилки тем временем

подносят к карете.

Дух Бригадира:

Ну ты и фрукт, Иван Ильич! Он же безногий!

И у него у самого на лице удивление:

Дух Бригадира:

Откуда знаю?!

Носилки загружают в карету, у Георгия задирается брючина – все, кроме Духа Бригадира, сосредоточены на погрузке тела Бригадира, – Дух видит фрагмент деревянного протеза, тарашит глаза:

Дух Бригадира:

А я с ногами, вишь, разлётся!

Тело Бригадира уже погрузили. Извозчик, Георгий – на козлы, Белозерский и Жена Бригадира – в салон. Дух опоминается.

Дух Бригадира:

Э! Вы без меня не трогайте-то! Куда ж я без... себя?!

Забирается в салон. Белозерский закрывает дверцы. На дворе остаётся большой пёс, подходит кошка, начинает ластиться к псу. Пёс смотрит вслед карете, как умеют смотреть только беззаветно преданные умные псы (с сосредоточенной тревогой, взвешивая необходимость действия/бездействия, и с безграничной верой), кошка – сосредоточена на себе. Пёс не отмахивается от привычной ласки кошки, но и играть

с нею сейчас не в настроении. Она возмущённо-игриво даёт ему лапой по носу, он стряхивает головой, не обращая на неё внимания, продолжает смотреть вслед карете. Пёс и кошка – точь-в-точь сейчас паттерны «мужчина и женщина».

10–10. Инт. Салон госпитальной кареты. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Жена Бригадира, Белозерский.)

Карета едет. Тело Бригадира лежит на носилках, Дух Бригадира сидит рядом с Женой Бригадира (обнимая её за плечи). Белозерский сидит напротив, с докторским видом, но исполненный сочувствия. Вдруг Жена Бригадира – в рёв.

Жена Бригадира:

Как я без него?! Я дышать не могу, если он меня не обнимет...

Всхлипывает, обнимает себя за плечи – поверх руки Духа Бригадира. На мгновение ёжится, будто почуввав что-то... Дух смотрит на неё с любовью. Ласково:

Дух Бригадира:

Погоди хоронить, дурища!

Белозерский:

Что вы раньше времени!.. Вот же он, обнимите его!

Жена Бригадира смотрит на тело на носилках.

Жена Бригадира:

Нет. Всегда он меня обнимал. Это... Это...

Дух Бригадира, с пониманием улыбнувшись, кивнув и обняв Жену, договаривает:

Дух Бригадира:

(к Белозерскому) Это мужское. Мужичье.

Обращается к Белозерскому, перегнувшись через жену, объясняет:

Дух Бригадира:

Баба обнимает – ластится, хитрит, забавляется. Мужик руками обвил – защищает. Как лукавая кошка. И как верный умный пёс... Молодой ещё, не понимаешь!

Белозерский с недоумением смотрит на Жену Бригадира – для него она не завершила фразу про «это».

Жена Бригадира:

Женщины, доктор, они как кошки. Мужчины – как псы.

Белозерский:

(чуть шутливо-скептически) Понятно! Живут, как кошка с собакой!

Жена Бригадира тоже усмехается, вполне по-доброму, но не без зрелой иронии.

Жена Бригадира:

За своего пса кошка любому глаза выцарапает. За свою кошку – пёс медведя порвёт...

У Белозерского во взгляде попытка осознания: «а ведь и правда, кажется...» Эхом:

Белозерский:

Своего... Свою...

Жена Бригадира вздыхает, смотрит на своего на носилках. Дух Бригадира прижимает её к себе – ей кажется, что карета качнулась – вот и Белозерский слегка накренился.

10–11. Инт. Клиника/Мужская палата. День.

(Бригадир, Дух Бригадира, Вера, Белозерский.)

Отремонтированная палата. В закутке, за ширмой на кровати лежит тело Бригадира. В таком же состоянии – неподвижный, глаза раскрыты. Первый пациент во вновь открытой клинике. Дух Бригадира стоит, опершись на спинку кровати, внимательно наблюдает за происходящим. Белозерский стоит у головы, Вера сидит на краю, пристально смотрит в лицо Бригадира, рука её – тестирует пульс. Белозерский, отследив направление

взгляда Веры:

Белозерский:

Он моргает.

Вера, не изменив направления пристального взгляда, ровно констатирует:

Вера:

Разумеется. Иначе бы склера высохла.

Белозерский:

Что же ты всё смотришь?

Вера:

Я думаю.

Повисает пауза. У Белозерского лицо с вопросительным выражением. Такое же – у Духа Бригадира. Белозерский слегка рассеянно, якобы беспристрастно:

Белозерский:

Ты тогда... когда меня выгнала...

Вера:

(не отводя взгляда от лица Бригадира) Я не выгоняла. Я попросила тебя уйти.

Белозерский кивает. Дух Бригадира заинтересованно смотрит на докторов: ого-ага! – так тут, вишь, вот чего!

Белозерский:

Но ты же с ним... С этим...

Вера:

Господином Покровским.

Белозерский, чуть раскрасневшись:

Белозерский:

Вы же с господином Покровским...

Дух Бригадира с мужицким любопытством смотрит на Белозерского, с интересом колоссальным: «что дальше-то?!»

Вера:

Есть!

Белозерский и Дух Бригадира аж подпрыгивают.

Белозерский:

Что есть?!

Вера встаёт, на протяжении последующих реплик – расхаживает по закутку, размышляя; реплики произносит как бы механически, фоном.

Вера:

Он мыслит!

Дух Бригадира:

(саркастично) Так ёлки-зелёные! Я башковитый!

Белозерский:

Cogito, ergo sum. Я мыслю, следовательно существую. И чем нам поможет Декарт?

Вера:

Правильный перевод: «Я сомневаюсь, значит я есть». И задолго до Декарта Блаженный Августин сказал: «Если я ошибаюсь, я существую. Ибо кто не существует, тот не может и обманываться».

Дух Бригадира:

Так что с господином Покровским?!

Вера резко останавливается. Смотрит на Белозерского, сперва рассеянно – всё ещё в своих мыслях; фокусируется на нём:

Вера:

Я не развлекалась с господином Покровским в том смысле, который тебя интересует. Так что сосредоточься на других своих желаниях: ты хотел трепанацию и операцию на мозге – ты её получил. Завтра мы его оперируем.

Дух Бригадира:

(испуганно) Кого?!

Белозерский:

Ты же была против!

Вера, указывая на лежащего на кровати парализованного Бригадира:

Вера:

Обстоятельства изменились.

Белозерский:

Но всё правое полушарие!

Вера:

(усмехнувшись) Значит, ты живёшь мечтами и воображением? Или ты живёшь ТОЛЬКО мечтами и воображением? *(снова указывая на лежащего на кровати)* Вот – дело!

Вера – на выход из палаты, Белозерский – поглядев на парализованное тело Бригадира, – за ней. Дух Бригадира, поглядев на своё тело с некоторой долей сомнения, и даже будто извиняясь – за ними.

Дух Бригадира:

(к своему телу) Ты отдохни здесь чуток... *(за докторами)* Да постойте вы, ядрён батон! Лезть ко мне в голову, как в ящик с инструментами?!

10–12. Инт. Клиника/сестринская. День.

(Матрёна Ивановна, Георгий, Жена Бригадира, Вера, Белозерский, Дух Бригадира.)

Заплаканная Жена Бригадира. Матрёна Ивановна поит её чаем, к ней ласковое, своёское, отношение. Георгий сидит рядом за столом, потирая (незаметно для женщин) культю одной из ног.

Жена Бригадира:

Что с ним?! Почему?! Он у меня ох какой здоровый!

Матрёна Ивановна:

Это по-разному бывает, милая. Жив-здоров человек, а через мгновение – если не мёртв, так ещё хуже – калека.

Георгий быстро бросает на Матрёну колкий злой взгляд. Она истолковывает по-своему: тут жена больного, а ты про смерть и инвалидность. Опоминается, суетливо успокаивающе к Жене Бригадира:

Матрёна Ивановна:

Но бывает, что вот только всё плохо – а часом позже уже и хорошо. Молиться надо. Молиться и...

В сестринскую стремительно заходит Вера, за ней – Белозерский и Дух Бригадира. Матрёна заканчивает с облегчением:

Матрёна Ивановна:

...и Вера Игнатъевна пришла!

Вера к Жене Бригадира без церемоний:

Вера:

Ваш муж – человек с воображением?

Жена Бригадира смотрит на Веру перепугано, с непониманием. Вера, чуть поморщившись (досадуя на себя):

Вера:

Он мечтал о чём-то?! Всеобщее благо, мост хрустальный. Путешествие в Америку? В молодости, может? «Построим дом, заведём детишек и кур...»

Дух Бригадира:

Чего мечтать? Захотел в Америку – так садись на пароход, коли деньги есть.

Вера смотрит вопросительно. Жена Бригадира пожимает плечами.

Жена Бригадира:

Не из дурачков он у меня, слава богу. Как денег заработал – так дом и построил.

Вера:

Странности какие-то были?!

Жена Бригадира:

Какие странности, господь с вами. У нас жизнь самая обыкновенная.

Дух Бригадира:

И что плохого в обыкновенности?!

Вера:

Да-да, самые обыкновенные счастливые люди, прекрасно. Но вспомните! Что такого «обыкновенного», к чему вы, возможно, уже привыкли! Что вас в нём поражало? Изумляло...

Жена Бригадира мужественно силится припомнить. Дух Бригадира, как о самом обыкновенном – потому что он это и считает самым обыкновенным; обращается к Жене:

Дух Бригадира:

Помнишь, как тебя поначалу пугало, что я цифры пяти-

значные в уме могу умножать-делить. Строительные объёмы без бумажек пересчитывать. (*Усмехнувшись*) Уж скольких образованных архитекторов на ошибках ловил в тангенсах-котангенсах.

Жена Бригадира, вспомнив, обрадовано:

Жена Бригадира:

Он считал без бумажек и счётов! И любую фигуру мог от руки...

Вера:

Тексты?!

Жена Бригадира:

Что – тексты?

Вера:

Читал-писал как?

Жена Бригадира:

Если раз что прочтёт – всё, уже навсегда.

Вера:

И никогда не строил ментальных иллюзий? Стихов не сочинял?

Жена Бригадира перепугано смотрит на Веру, отрицательно качая головой. В слёзы, Матрёне на грудь. Та её успокаивать – бросив на Веру осуждающий взгляд: могла бы и помягче, а не как на допросе. Артикулирует/шепчет:

Матрёна Ивановна:

Вера, какие тут стихи сейчас?!

Вера, махнув рукой Матрёне, тащит Белозерского из сестринской. Дух Бригадира, глянув на рыдающую Жену с сочувствием, – за Верой и Белозерским.

Дух Бригадира:

Эй, умники! Если уж условия задачки ставите – так ставьте все, я решу! Задача – не загадка! В задаче всегда логика сыщется, на том построено!

10–13. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Вера, Белозерский, Госпитальный Извозчик, Дух Бригадира.)

Госпитальный Извозчик сидит на ступенях. Выходит Вера, за ней – Белозерский и Дух Бригадира. Вера быстро прикуривает, не давая возможности Белозерскому за ней поухаживать. Он прикуривает следом. Дух Бригадира стоит рядом, внимательно слушает, отмахиваясь от табачного дыма.

Вера:

Галль считал, что мозг работает, как единый орган. Но эта теория была отвергнута, когда Вернике предположил, что за речь отвечает левое полушарие.

Белозерский даёт эмоцию: «дошло!» Подхватывает, озарившись:

Белозерский:

В тысячу восемьсот семьдесят третьем году он доказал это на пациенте, перенесшем инсульт!

Вера кивает.

Вера:

И пошёл в предположениях дальше. Просто доказать не смог. Речь, счёт, анализ, логика. Надёжность. Это левое полушарие. Нашему замечательному бригадиру Матвею Громову никогда и не было нужно правое полушарие.

Белозерский:

Так что произошло?!

Вера:

Опухоль прорастает основание. Питающие сосуды. Вот и нарушились двигательные функции.

Вера машет рукой у глаз, намекая на взгляд, увиденный ею в палате.

Вера:

Но он ещё мыслит!

Белозерский:

А если мы ошибаемся?

Вера:

Значит, мы существуем. Чем даём шанс существовать ему.

Вера показывает в сторону клиники, палат – но выглядит так, что она точно перстом упирается в нос Духу Бригадира. Дух Бригадира, глядя на палец Веры, чуть сведя глаза, несколько беспомощно обращается к Госпитальному Извозчику:

Дух Громова:

Иван Ильич, о чём они?!

Вера в клинику, Белозерский за ней. Дух Бригадира уставился на Извозчика. Тот пожимает плечами, разговаривая, понятно, сам с собой. Но выглядит так, будто он обращается к Духу Бригадира.

Госпитальный Извозчик:

Кто их, холер, поймёт, о чём они порой балаболят.

10–14. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

**(Вера, Белозерский, Концевич,
Кравченко, Нилов, Порудоминский,
Ася, Матрёна Ивановна, Бельцева.)**

Вера за профессорским столом. Все остальные – расположились кто где; режим: рабочее совещание.

Вера:

Клиника работает в полном объёме. По вызовам отправ-

ляются господа Нилов и Порудоминский. Белозерский и Концевич отвечают за стационар. Завтра утром – удаление опухоли головного мозга. Александр Николаевич представит случай.

Белозерский встаёт, докладывать.

Белозерский:

Поступил пациент... Мы все его хорошо знаем. Наш бригадир Матвей Макарович Громов...

10–15. Инт. Клиника/кабинет профессора. День.

**(Вера, Белозерский, Концевич,
Кравченко, Нилов, Порудоминский,
Ася, Матрёна Ивановна, Бельцева.)**

Рабочее совещание подходит к концу. Последней заканчивает докладывать Ася.

Ася:

Операционная укомплектована всем необходимым, готова к работе.

Вера обращается к Матрёне:

Вера:

Матрёна Ивановна?

Матрёна одобрительно кивает, не поднимаясь с места, с лёгким ворчливым скепсисом, хотя и очевидно всем довольна, просто из характера и суеверий:

Матрёна Ивановна:

Всё нормально. Пока. Там увидим.

Вера:

Коллеги, вопросы есть?

Поднимается Кравченко. Вера внимательно слушает, с уважением.

Кравченко:

Вера Игнатъевна, вы уверены, что операцию на мозге стоит производить столь скоро?

Вера:

(корректно, но холодно) Я не уверена, что её стоит откладывать до завтрашнего утра.

Кравченко:

Возможно, стоит привлечь для консультации...

Чуть запинается. Вера вклинивается, «подсказывая»:

Вера:

...кого-нибудь более осведомлённого в вопросах хирургии?... Возможно, моя рука не так быстра, как рука Пирогова, но американец Мортон избавил нас от необходимости работать на скорость. Точнее: сортировать организмы на способных перенести болевой шок и неспособных.

Кравченко:

Я ни в коем случае не ставил под сомнение вашу хирургическую квалификацию.

Вера:

Тогда кого вы хотели привлечь? Кого-то более осведомлённого в вопросах мозга? Интересно, кого? Единственный в отечестве, кто не боялся оперировать мозг, – Николай Васильевич Склифосовский. Но он умер в прошлом году. Да и он был «всего лишь» хирург. Так кого привлечь, Владимир Сергеевич?

Кравченко:

Вера Игнатьевна, я всего лишь...

Вера:

(мягче) Вы всего лишь хотите меня подстраховать. Защищать. Я понимаю ваше желание. И благодарна вам за заботу. Но – не надо. Вы не боялись и не боитесь принимать решения. И я... Я не взяла бы на себя руководство клиникой, если не была готова отвечать за каждое своё решение. За каждое! За всё и всех здесь.

Смотрит на него со значением – именно она его выдвинула на должность зав терапией и именно она вручила ему бразды управления финансами. Тем самым «профессиональный» наезд нивелирован абсолютным доверием. Кравченко садится, кивнув, с достоинством, но без позы. Нет никакого ощущения, что кто-то в ком-то сомневается или кто-то на кого-то давил. Просто один из многих непростых рабочих моментов лекарской

практики. Присутствующие сохраняют нейтральные лица. Вера встаёт – все встают.

Вера:

И последнее: все сегодня – кроме дежурной смены, разумеется, – приглашены в ресторан. Я была против, но Николай Александрович Белозерский настоял. И он прав. Подобный обед – не просто гулянка, а возможность привлечения новых меценатов и акционеров. Так что... Ну не знаю. Оденьтесь прилично. В соответствии случаю.

Вера усмехается. Эта её усмешка – в первую очередь обращена на себя. Она менее всех прочих любит «одеваться прилично», «в соответствии случаю».

10–16. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Кравченко, Концевич, Георгий, Госпитальный Извозчик.)

Кравченко курит. Невдалеке Георгий и Извозчик занимаются каретой. Выходит Концевич. Закуривает. Смотрит на Кравченко.

Концевич:

Как вас княгиня... на место поставила.

Кравченко так же спокоен, даже холоден – взгляд на Концевича.

Кравченко:

И была совершенно права, Дмитрий Петрович.

Выбрасывает окурок, заходит в клинику. Концевич продолжает курить – лицо бесстрастное. Георгий всё слышал, обращается к Извозчику.

Георгий:

Не любят друг друга?

Госпитальный Извозчик:

Они тебе красна девица с добрым молодцем, чтоб друг друга любить? Да и не твоего ума дело, что там у господ докторов.

Георгий оставляет дела, смотрит на Извозчика.

Георгий:

Это ты меня сейчас на место поставил?... Так, Иван Ильич. Давай разберёмся.

Извозчик, прищурившись, смотрит на Георгия – тоже оставляет работу.

Госпитальный Извозчик:

На кулачках, значит?

Георгий:

На кулачках.

10–17. Инт. Клиника/коридор. День.

(Вера, Матрёна Ивановна, Бельцева.)

Вера и Матрёна идут.

Вера:

Матрёна Ивановна, ты новенькую бабичьему делу обучай. Она сообразительная и руки способные.

Навстречу им бежит Бельцева.

Бельцева:

Кучер с санитаром драку затеяли! Я бельё вышла развесить...

Матрёна ахает. Вера, посуровев, стремительно – к выходу на задний двор, Матрёна – за ней.

10–18. Нат. Клиника/задний двор. День.

**(Георгий, Госпитальный Извозчик,
Вера, Матрёна Ивановна, Бельцева.)**

Перевернутая корзина с бельём – мутузятся Госпитальный Извозчик с Георгием, держатся на равных, Георгий только в ногах потяжелее, но руками – вполне, Извозчик тоже силён. Тягают друг друга за грудки. Не бой, но сопящая ближняя драчка. Выносятся Вера – сразу к ним. За ней – женщины. Вера легко разнимает пыхтящих мужиков, вклинившись между ними и неуловимым движением вывернув обоим руки так, что они вынуждены застыть в «нижнем поклоне». Матрёна и Бельцева выбежали следом.

Вера:

(обращаясь к Матрёне, резко) Выбирай!

Матрёна Ивановна:

Я?!

Вера:

Не из-за меня эти добры молодцы дерутся.

«Молодцы» трепыхаются, стараясь высвободиться. Вера чуть сильнее выворачивает им руки. Они застывают в ещё более глубоком «поклоне». Она

окорачивает их окриком:

Вера:

Была команда?!

Строго смотрит на Матрёну. Та, что называется, в противоречивых чувствах. Бельцева наблюдает. Матрёна к Бельцевой:

Матрёна Ивановна:

Бельё собери!

Без паузы, к Вере:

Матрёна Ивановна:

А ни один предложения не делал!

Бельцева кидается собирать бельё. Матрёна горделивой павой – заходит в клинику. Вера отпускает мужиков. Они недовольны – одна баба двоих «бойцов» скрутила. Оправляются, друг на друга не глядя, но фыркая. Она смотрит на них – то на одного, то на другого, – с недоумением, пытаясь скрыть разбирающий её смех.

Вера:

Что, ни один?!

Госпитальный Извозчик:

(прорывает) Я – чего?! Она ж такая важная! Командирша вся из себя! Да и перед этим задом крутит!

Вера уставляется на Георгия. Тот тоже отвечает с нервом.

Георгий:

Я – чего?! Я почём должен знать, что он меня из-за бабы невзлюбил?! Я привык с товарищами плечом к плечу, а не с... интриганами боками тереться!

Последними словами Извозчик оскорблён до глубин.

Госпитальный Извозчик:

Ну знаешь!.. Ты говори, говори, да не заговаривайся!

И вот тут никто не ожидал от него: он бросается на уже расслабленного Георгия с рыком, толкает его двумя руками в грудь – тот не был готов, падает навзничь – брюки задираются, в ботинках видны деревянные протезы. Немая сцена. Эмоции Извозчика понятны – он хороший мужик. Вера только головой качает, вздыхая.

10–19. Нат. Клиника/задний двор. День.

(Госпитальный Извозчик, Георгий.)

Сидят на ступеньках, курят самокрутки – Извозчик угощает. Он чувствует себя крайне неловко. Муки совести, хороший русский мужик.

Госпитальный Извозчик:

Чего не сказал?!

Георгий:

Что это меняет?

Госпитальный Извозчик:

Всё это меняет!

Георгий:

Ничего это не меняет...*(Подмигивает, после паузы)* Во всяком случае – с бабами.

Госпитальный Извозчик:

ТЬфу! Дурья твоя башка!.. Давай по новой: Иван!

Протягивает руку. Рукопожатие:

Георгий:

Георгий!

Госпитальный Извозчик:

Тот самый? Который: держит ангел копие...

Георгий подхватывает:

Георгий:

...бьёт дракона в жопие!

Смеются. Курят дальше.

Госпитальный Извозчик:

Теперь Матрёшка нам устроит. Показательную гастроль. Бабы страсть любят, когда за ними по двое сохнут.

Георгий:

Это если гниды.

Госпитальный Извозчик:

Есть бабы не гниды?

Георгий:

Мне не попадались...

Госпитальный Извозчик:

Вот и мне...

Смеются. Очевидно, это начало крепкой дружбы.

10–20. Инт. Зал ресторана. Ночь.

**(Вера, Белозерский-Старший, Белозерский,
Хохлов, Кравченко, Ася, Концевич,
Матрёна Ивановна, Ася, Покровский,
Метрдотель, гости, официанты.)**

Банкетный зал. Во главе – Хохлов. Справа и слева от него – Белозерский-Старший и Вера. Рядом с Верой сидит Белозерский. Рядом с Белозерским-Старшим – Кравченко. Дальше Концевич, Ася, Матрёна Ивановна, профессура, ординатура, возможные меценаты и прочие гости. Белозерский-Старший стоит с бокалом. Одеты все в соответствии случаю, Вера – в женском платье, и даже Концевич выглядит весьма пристойно – на нём неожиданно костюм ничуть не хуже, чем на Белозерском.

Белозерский-Старший:

...И я уверен – клиника станет лучшей в городе!

В сопровождении Метрдоителя в зал заходит Покровский. Делая знак: без помпы. Но Белозерский-Старший уже заметил (заметила и Вера – никак не проявляет; заметил и Белозерский – слегка нахмурился).

Белозерский-Старший:

Илья Алексеевич! Рад, рад! (*сыну, тихо*) Саша! Пс!

Он даёт понять сыну: освободи место почётному гостю. Белозерский поднялся, в растерянности, ретируется неловко – беспомощно ища взгляда Веры – Вера смотрит не на него, намеренно избегая зрительного контакта и с ним, и с Покровским. Старший продолжает, обращаясь к публике.

Белозерский-Старший:

Господа!.. Дамы и господа! Хочу представить вам Илью Алексеевича Покровского! Человека не только богатого, но и щедрого. Не только умного, но и великодушного! Господин Покровский изъявил горячее желание пользоваться своих фабричных в клинике Святого Георгия, и уже приобрёл как бы сказали заокеанские капиталисты – кор-по-ративную страховку! Мало того, я пригласил его стать акционером нашего предприятия – и он согласился!

Аплодисменты. Возгласы: «браво социально-ответственному капиталу!» Покровский уже пробрался на место рядом с Верой, и на протяжении речи Белозерского-старшего всем своим видом показывал,

что он скромнен – хотя и с достоинством, – на последних словах Белозерского-Старшего берёт бокал – уже наполненный бокал Белозерского, который тот держал в руках, когда папа начинал говорить, но к содержимому которого ещё не притронулся, – говорит алаверды, обаятельно, в меру шутливо и обманчиво простодушно:

Покровский:

Николай Александрович преувеличивает, как это свойственно действительно добрым людям. Я, да будет вам известно, фабрикант, отъявленный мироед, и в любом предприятии меня интересует прежде всего выгода. Здоровые рабочие и служащие – здоровая фабрика. Здоровая фабрика – богатая фабрика. Так что выпьем за здоровье и, соответственно, процветание!

Чокаются с Белозерским-Старшим. Аплодисменты. Звон бокалов. По Вере невозможно ничего сказать, она ровна, чокается с Хохловым, с Белозерским-Старшим, в сутолоке будто бы не замечает протянутого Покровским бокала. Дальше за столом: Белозерский оказывается напротив группы Ася/Кравченко/Концевич. Чокается с ними, вид – обиженно-обескураженного щенка. Ася смотрит на него с сочувствием. Концевич – чуть насмешливо. Кравченко – нейтрален.

Концевич:

Больше денег – лучше клинике. Лучше клинике – лучше

нам. Мне уже жалованье подняли.

Белозерский вдруг срывается на Концевича:

Белозерский:

А как же – общее благо?! Как же твоё: «этот кабак – оплот „кадетов“, которые игрушечные и пособники власти сатрапов!»?! Как же твой со-ци-а-лизм?!

Концевич слегка сатанеет. Его окорачивает спокойный голос Кравченко (далее Кравченко говорит с интонацией слегка насмешливой, и его никак нельзя заподозрить в симпатиях к господам социалистам; напротив – любые сомнения подобными интонациями развеиваются):

Кравченко:

Господин Концевич социалист? Не знал, не знал...

У Белозерского немедленно раскаивающийся вид: «вот я, сука, выдал приятеля! Чего сорвался? Не на него же я раздражаюсь!» Кравченко же протягивает Концевичу руку:

Кравченко:

Позвольте засвидетельствовать самое искреннее почтение, Дмитрий Петрович. Вы открылись мне с новой неожиданной приятной стороны. Я и сам, признаюсь, социалист. Нет-нет, вне партий и фракций. По убеждениям. (*Обращается к Белозерскому*) В социализме, Александр Николаевич, нет ничего плохого. Как в идее. Другое дело, ЧТО нам (*с сар-*

казмом) всяческие деятели пытаются навязать. Возможно, в вашем батюшке и в фабриканте Покровском куда больше социализма, чем в каком-нибудь праздном негодяе, от скуки воображающим себя звонящим в колокол на батюшкины средства; или же в нищем мерзавце, жаждущим отомстить за брата-убийцу, а пока живущим за границей, вытягивая матушкину жалкую пенсию и деньги за перезаложенное имение...

Кравченко отвлек внимание Белозерского на себя, он вовлечён в беседу. С удивлением переводит взгляд с Кравченко на Концевича – те после монолога Кравченко молча сверлят друг друга с таким пылом, что красноречивее слов. На том конце, где Вера и Покровский: Белозерский-Старший беседует с Хохловым, – это даёт возможность Покровскому обратиться к Вере, тихо, и не привлекая внимания:

Покровский:

Это всего лишь выгодные для меня вложения, ничего личного, не беспокойся. Я никоим образом не собираюсь на тебя давить или...

Вера:

(перебивая) Ты и не сможешь.

Покровский:

А ты не сможешь отказаться от денег. Потому что ты в клинике, как бы это сказать, при всём уважении к твоим талантам и успехам – всего лишь управляющий. Настоя-

ящий руководитель, а точнее сказать: фактический владелец – теперь вот он. (*Указывает подбородком на Белозерского-Старшего*)

Вера:

(*поднимаясь*) Я и не собираюсь отказываться от денег.

Встав, Вера смотрит в сторону Белозерского – уже вовлечённого в беседу с Кравченко, – и он не поворачивается на её взгляд (хотя она, видимо, ожидала, что он будет за ней неотрывно следить), и Вера (вся такая в своём изысканном наряде) лихо свистит. Белозерский мигом оборачивается, подсказывает, застольный фоновый гул замолкает на свисте. Вера, обращаясь к публике в наступившей полнейшей тишине, вежливо:

Вера:

Простите, дамы и господа, мы со старшим ординатором Белозерским вынуждены покинуть банкет, у нас... неотложное дело. Тяжёлый пациент. (*К Старшему, поклонившись*) Николай Александрович! (*к Хохлову, поклонившись*) Алексей Фёдорович! (*К Покровскому, не кланяясь*) Господин Покровский!

Выходит, мотнув головой Белозерскому-младшему: за мной. Белозерский-Старший заинтересованно наблюдает, но вовсе не за Верой и сыном, а как раз за господином Покровским. Взгляд добродушно-любопытный: «похоже, я чего-то не в полном объёме

знаю. Пока что...»

**10–21. Нат. Клиника/
парадная аллея/у входа. Ночь.**

(Ася, Кравченко, Концевич.)

Идут по аллее ко входу. Держатся как коллеги.

Ася:

Мне, право, неудобно. Совершенно незачем было меня провожать.

Кравченко:

Собственно я, как и вы, не люблю шумных сборищ. И у меня скопилось много бумажной работы.

Концевич:

Я сегодня патронирую господ студентов. Пардон, уже лекарей. То ещё удовольствие.

Ася:

А... Александр Николаевич, он сегодня не дежурит? Он ещё раньше нас ушёл.

Кравченко и Концевич переглядываются.

Кравченко:

Он сегодня не дежурит, Анна Львовна.

Они приближаются ко входу. На ступеньках стоит красивая большая корзинка, высланная изысканной дорогой салфеткой (кружева, с монограммой А.А.). Ася приглядывается.

Ася:

Что это?

Стремительно подходит, наклоняется к корзинке. Кравченко, нагнав, отстраняет её:

Кравченко:

Ася! Кругом волнения, террористы... Позвольте!

Концевич бросает на Кравченко иронический взгляд (Ася не видит). Из корзинки раздаётся плач младенца. Все трое склоняются к корзинке. Кравченко поднимает корзинку, Концевич заглядывает, Ася – умильно-перепуганное выражение.

Концевич:

Тут у нас «бомба» совсем иного рода. Судя по антуражу: богатая уже-не-девица снесла незаконное яичко.

Ася:

Идёмте, идёмте же скорее! Младенец замёрзнет!

Все трое скрываются в дверях клиники.

10–22. Инт. Клиника/сестринская. Ночь.

(Концевич, Ася, Бельцева, Дух Бригадира.)

На кушетке распелёнутый младенец, громко возмущённо ревёт. Концевич (в действиях и текстах формален, равнодушен, но профессионален, собран, аккуратен) заканчивает выслушивать лёгкие и сердечные тоны. Рядом наседкой хлопочет Ася, Бельцева стоит чуть поодаль с неоднозначным выражением лица (ей недавно сделали аборт).

Концевич:

Совершенно здоровая новорождённая девочка.

Отходит. Ася к новорождённой – укутывать.

Ася:

Не плачь, маленькая! Сейчас мы тебя запеленаем, покор-

МИМ и...

Концевич:

(подхватывает тон Аси, добавив иронии)...вызовем по-

лицию и отправим в приют.

Ася:

(ошарашено) Как же?!

Концевич:

Таков протокол. Подброшен младенец в первых сутках.

Полагаю, Владимир Сергеевич уже позвонил в отделение.

Концевич – на выход, кинув на Асю взгляд. Выходит.
Ася к Бельцевой:

Ася:

Как можно выбросить собственного ребёнка?! Или того хуже... Убить... Помогите мне, пожалуйста.

Бельцева не реагирует. Ася, не дождавшись помощи, смотрит на Бельцеву – та блее полотно, лицо скривилось, она заплакала. Ася в растерянности, с младенцем на руках идёт к Бельцевой.

Ася:

Что с вами, Марина?!

Бельцева пьтится. Дверь распахивается, входит Дух Бригадира. Его, разумеется, никто не замечает. Бельцева выбегает в распахнутые двери. Ася с ужасом смотрит на Дух Бригадира. (Попросту тарашится вслед Марине Бельцевой.)

Дух Бригадира:

Вы меня видите?! Слава богу!

Ася:

Сквозняки... *(к младенцу)* Что это с тётёй Мариной?

Это домашнее «тётя» со всей очевидностью свидетельствует, что Ася уже привязалась к младенцу. С ним на руках выходит, плотно закрыв за собой двери. Дух Бригадира шумно вздыхает, садится на кушетку.

Дух Бригадира:

Бабские дела!

Сосредотачивается, разводит руками.

Дух Бригадира:

Так. Что же делать? Ничего не понимаю!

Встаёт, выходит, плотно закрыв двери за собой.
(Из коридора это выглядит как шумно захлопнувшаяся
сквозняком дверь.)

10–23. Инт. Клиника/коридор. Ночь.

(Ася, Бельцева, Дух Бригадира.)

Ася и Бельцева стоят в дальнем конце коридора.

Ася:

Марина, ну что вы!

Дверь из сестринской распахивается, затем
захлопывается, выходит Дух Бригадира, идёт по
коридору. Бельцева и Ася смотрят на двери – обе
напуганы. Духа не видят.

Ася:

Странно. Неоткуда взяться сквознякам.

Бельцева:

Анна Львовна, вы верите в привидения?

Ася:

(улыбается) Нет. Всему на свете есть объяснение.

Дух Бригадира уже дошёл до девушек, останавливается около них, саркастически усмехается, обращается к Асе, обводя себя руками:

Дух Бригадира:

И как же, любезная барышня, вы объясните эдакое?!

Бельцева:

Случается совершенно необъяснимое.

Ася:

Просто объяснения необъяснимому ещё не найдены.

Девушки смотрят друг на друга. Дух Бригадира, вздохнув, и сделав младенцу «козу», идёт дальше по коридору.

10–24. Инт. Клиника/кабинет профессора. Ночь.

**(Концевич, Кравченко, Дух
Бригадира, Городовой.)**

Кравченко (за его спиной стоит Дух Бригадира, заложив руки за спину, с интересом читает из-за плеча Кравченко) и Концевич сидят с бумагами (папки со

множеством листов, листы с записями и цифрами – отчётность по реконструкции), по разные стороны приставного, «заседательного» стола. По манере их обращения друг к другу нельзя заподозрить, что их связывает нечто большее, нежели формальные рабочие отношения. Кравченко, просмотрев один из листов, хмурится, протягивает его Концевичу:

Кравченко:

Дмитрий Петрович, посмотрите.

Концевич берёт протянутый лист, пробегает его. Хмурится. Берёт чистый лист. Смотрит в протянутый лист, чёркает своим пером – не тот цвет-оттенок. Встаёт, идёт к столу Веры, взять другие перо-чернильницу. Дух Бригадира тем временем обошёл стол, рассматривает бумагу, оставленную Концевичем. Хмыкает, смотрит то на Кравченко, то на Концевича.

Дух Бригадира:

Интересные дела-а-а...

Кравченко:

Вера Игнатьевна попросила к утру всё привести в полный порядок.

В кабинет входит Городовой. Кравченко, поднимаясь к нему навстречу, накрывает лист, переданный Концевичу, другой бумагой. Делает это спокойно.

Городовой:

Доброй ночи, господа!

Кравченко:

Здравствуйте, Василий Петрович! Прошу простить за беспокойство...

Городовой:

Оставьте! Не на помойке, и не задушенный – уже хорошо. Идёмте.

Кравченко, обернувшись к Концевичу:

Кравченко:

Дмитрий Петрович, вы продолжайте.

Концевич кивает. Кравченко с Городовым – на выход. В тот момент, когда Кравченко открывает дверь, Дух Бригадира поднимает с той бумаги, что должен подправить Концевич, лист, положенный сверху Кравченко, чтобы изучить (цифры и спецификации – стихия Бригадира). Выглядит это будто бумага слетела из-за созданного распахиванием дверей, потока воздуха. Концевич идёт, поднимает лист. А Дух Бригадира пока просматривает бумагу на столе, выражение на лице сомнительное, скептическое:

Дух Бригадира:

Надо же! Нет, понятно, по дороге ко всем ладошкам липнет, но тут щедро заскирдовано по амбарам, а не так, чтобы соломинка к сапогу принавозилась!

10–25. Инт. Клиника/сестринская. Ночь.

(Ася, Бельцева, Кравченко, Городовой.)

Младенец спит в корзинке. На столе – бутылочка с грудным молоком (клиника, где рожают, и, значит, есть молоко). Ася и Бельцева пьют чай. Ася добродушна, радостна; Бельцева – тревожна.

Ася:

Марина, у вас что-то случилось?

Бельцева:

С чего вы взяли, Анна Львовна?

Ася:

Прекращай! Мы с тобой ровесницы. Я – Ася.

Бельцева:

Я даже тем, кто младше меня, должна была по имени-отчеству обращаться.

Ася смотрит на неё с удивлением.

Бельцева:

К господским детям. Пока их папа...

Замолкает.

Ася:

Что: «их папа»?

Бельцева набирает воздуху, чтобы решиться рассказать Асе. Грех её тяготит, надо с кем-то поделиться. Ася добра к ней, чем не кандидат?

Бельцева:

Ася... Ты в чём исповедовалась последний раз?

Ася:

Для того и исповедь, чтобы только между мной и богом.

Бельцева:

Ты же не богу исповедуешься, а священнику.

Ася:

Священник связан тайной. Как врач.

Бельцева:

И если исповедаться в чём-то... страшном, – священник никому не расскажет?

Ася:

Нет. Не должен.

Ася сперва настроена почти легкомысленно, но серьёзный тон Бельцевой её настораживает. Она смотрит на недавно обрётённую коллегу с тревогой. Но всё ещё пытается сохранить ободряющий шутливый тон

Ася:

В чём таком «страшном» ты можешь исповедоваться? Конфету хозяйскую съела?

Бельцева:

В... смертном грехе.

Ася подскакивает, одновременно в двери заходят Кравченко и Городовой. Ася смотрит на них, пытаясь сообразить: слышали? – нет?

Городовой:

Вы будто привидение увидели! Поверьте, их бояться не стоит. Бояться, увы, стоит только живого человека из плоти и крови. Добрый вечер, барышни. Надо оформить протокол, показания, изъятие улик...

10–26. Инт. Квартира Веры/спальня. Ночь.

(Вера, Белозерский.)

В постели, после. Белозерский, облокотившись на локоть, любит Верой. Вера равнодушна, глаза открыты.

Вера:

Чего тарачишься?

Белозерский ошарашен реакцией – только что был секс, и, видимо, всё было по высшему разряду, включая нежность.

Белозерский:

Любуюсь!.. С господином Покровским наверное не так себя вела?!

Вера, лишь усмехнувшись, безо всяких обид, встаёт.

Вера:

Не так. Точнее: так. Как ты сейчас...

Белозерский:

Отчего же со мной...

Вера, будто не замечая его реплики, завершает, надевая и запахивая халат:

Вера:

С той только разницей, что мне было пятнадцать, а не двадцать пять. Женщины раньше взрослеют.

Белозерский:

(с нервом) Это тебя его равнодушие сделало такой... *(подыскивает слова, с соответствующим выражением лица, говорит с сарказмом)*... мудрой такой, саркастичной такой, такой закрытой и циничной... сукой!

Вера, уже надевшая халат, смеясь, поворачивается к Белозерскому, распахивает халат.

Вера:

Куда открытей?!

Запахивает, становится серьёзной.

Вера:

Он не был ко мне равнодушен. И я – не равнодушна к тебе.

Вера выходит из спальни. Белозерский обессилено откидывается на подушку с выражением лица:

«долбаный, блин, случай!» Но долго он в покое оставаться не может, вскакивает, натягивает штаны. Игриво кричит:

Белозерский:

Вера, а, Вера?! Вера Игнатьевна!

Выбегает за ней.

**10–27. Нат. Улица/клиника/
главная аллея/у входа. Ночь.**

**(Белозерский, Вера, Ася,
Городовой, Кравченко.)**

Белозерский и Вера (в мужском наряде) неторопливо идут по улице.

Вера:

Сосредоточься на пациенте. У нас интереснейший случай. Как минимум – с точки зрения механики мозга. Большая часть всего, происходящего с нами, сосредоточена вот здесь!

Вера стучит костяшками пальцев по лбу Белозерского.

Вера:

Мы ничего об этом не знаем! Наш мозг – карта Вселенной. А тебя волнуют чувства совокупляющихся букашек.

Белозерский:

Совокупляющиеся букашки – часть Вселенной!

Вера:

Пойми ты! – у совокупления нет чувств! Всего лишь инстинкт, направленный на продолжение рода, а точнее: сохранение популяции. И как это ни прискорбно, но доктрина церкви не противоречит учению Дарвина. Напротив! Как бы мы ни вмешивались – у бога или, если угодно, вселенной – свои планы. И любовь здесь не при чём. Или – аборты. Когда букашек станет слишком много, чтобы они не пожрали друг друга и луг, – природа создаст что-то ещё.

Белозерский:

Что же?!

Вера:

Почём я знаю?... Например, гомосексуализм из развращённой забавы для пресытившихся или же, напротив, не имеющих рядом противоположного пола для удовлетворения сексуального голода, – превратится в норму. Потому сколько бы и как ни любили друг друга, предположим, Белозерский и Покровский, от этого не родится новой букашки и луг будет спасён.

Уже свернули с улицы в ворота, идут по аллее.

Белозерский:

Фу-у-у!

Вера подзуживает его, дурачится:

Вера:

Отчего же «фу!»? Представь себе, как, допустим, наш добрый Иван Ильич приносит Георгию Романовичу кофе в постель. И, поверь! – Природа, жаждущая ограничить планету от пожирания букашками, вышьет этот самый мозг...

Вера снова стучит Белозерского по лбу.

Вера:

...самыми замысловатыми эмоциями.

Белозерский:

Вера! Меня сейчас стошнит!

Вера уже заметила на ступеньках группу, ускоряется; за ней и Белозерский. Подходят. Вера, моментом оценив ситуацию (Ася держит корзинку с новорождённым, Городовой держит корзинку с другой стороны, надо отдать, – но выглядит так, будто Ася никак не желает выпускать из рук корзинку), обращается к Белозерскому, несколько иронично-патетически:

Вера:

Но люди испортили внятные библейские инструкции жалкими попытками метафорически их осознать. И вот запрет на аборт становится запретом рожать «во грехе». И тьмы запуганных дурочек бессильны не только перед природой, но и перед обществом. Но природа только велит. Не более.

Общество же – наказывает!

Обращается ко всем на ступеньках (тоже внимательно прослушавших её речь, каждый с соответствующим характеру персонажа выражением лица):

Вера:

Доброй ночи, дама и господа! Анна Львовна, отдайте представителю власти подкидыша. Я не ошибаюсь?

Вера смотрит на Кравченко. Он кивает – тут всё очевидно, Вера при её опыте не могла неправильно считать ситуацию. Вера снова обращается к Асе.

Вера:

Василий Петрович ему ничего дурного не сделает. А вы ему не мать.

Ася отпускает корзинку. Городовой благодарен Вере, ему понятны чувства Аси, нравится сестра милосердия, как нравилась бы отцу хорошо воспитанная добрая дочь. Он хочет её успокоить:

Городовой:

Вы, барышня, можете навешать девочку в приюте. Что правда, удочерить не удастся. Об этом забудьте.

Ася:

Почему?!

Городовой смотрит на Асю, как на дурочку. Кравченко испытывает сочувствие к Асе. Вера

усмехается, глянув на Белозерского. Ася смотрит на Городового – тот даже несколько смущён.

Городовой:

Потому что вы – барышня... Не замужем вы!

У Аси выражение лица: ах, да! – растерянное от осознания простейшего факта. Она и так знала, но её настолько захлестнули чувства к младенцу, что она забыла правила общества, существующие в Российской империи законодательные нормы.

10–28. Инт. Клиника/мужская палата. Ночь.

(Бригадир, Дух Бригадира, Вера, Белозерский.)

Бригадир Матвей Громов лежит на койке. Дух Бригадира стоит, опершись на спинку. Вера сидит на краю койки – щупает Бригадиру пульс на запястье левой руки и на шее справа (проверяет симптом асимметрии пульса). Белозерский прослушивает сердечные и лёгочные тоны фонендоскопом. Заканчивают.

Белозерский:

Здоров, как бык.

Дух Бригадира горделиво расправляет плечи.

Дух Бригадира:

Я вам, доктора, и сразу говорил...

Вера:

Корабль может быть весьма неплох, но при болезни капитана...

Дух Бригадира смотрит на неё с недоумением. Вера, улыбнувшись, к Белозерскому, с любопытством учёного:

Вера:

Очень хочу его вытащить, вернуть в сознание!

Дух Бригадира:

Да в сознании я! (*немного ошарашено, будто ему открылась истина, что всё время была перед носом*) Сознание – я?...

Белозерский, усмехнувшись, и постучав себя костяшками по лбу:

Белозерский:

Дух в тело?

Вера:

Если тебе так привычней. (*кивая на обездвиженного Бригадира*) Я бы сказала: программу, алгоритм – в тело, оболочку. Чтобы выяснить: понимает ли он язык метафор.

Белозерский:

И что это тебе даст?

Вера:

Это удовлетворит моё любопытство. Все довольно долго

живущие с опухолями мозга имели траченной его правую половину. Фактически, она им была просто не нужна. Для жизни букашки, и хорошей букашки, на нашем жирном лу-гу, сдаётся мне, достаточно левой.

Белозерский:

Допустим. Но зачем же нам тогда правое полушарие?!

Вера:

Например, чтобы писать музыку, романы, поэмы. Правильно понимать Библию. Стремиться к большему.

Белозерский:

Быть не просто букашкой?

Вера:

(поднимаясь, иронично) Ага. Букашкой с воображением.

Вера подходит к Белозерскому, нежно целует его, едва коснувшись губами губ, отстраняется, смотрит. Он смотрит в ответ, ожидая чего-то важного... Но... Она снова слегка иронична:

Вера:

Печальна жизнь букашки с воображением. В пестиках и тычинках ей чудится любовь.

Дух Бригадира, внимательно наблюдавший за докторами, резюмирует:

Дух Бригадира:

Пожениться бы вам, господа хорошие!

Вера, уже вернувшись в рабочую парадигму, кивая

на Бригадира, без движения лежащего на койке:

Вера:

В общем, если мы с тобой не напортачим, он вернётся здоровым к своей верной букашке-жене.

Дух Бригадира:

(радостно) Вот это дело! Вы уж не напортачьте! Я вам тут всё без халтуры делал. Вот уж и вы расстарайтесь!

Вера:

Иди в ординаторскую. Я здесь прилягу. В моём кабинете Кравченко отчётность подбивает. Твой отец завтра хотел посмотреть.

У Белозерского такое лицо: защищать отца. Вера смеётся.

Вера:

Я знаю, что он мне доверяет! Но он – купец, деньги любят счёт, тем более – это не одноразовая благотворительная акция, а, благодаря ему, акционерное общество.

Белозерский, кивнув, идёт на выход. Оборачивается от двери, говорит Вере:

Белозерский:

Я на букашечные совокупления не согласен! Так и знай!
Я люблю тебя!

Быстро выходит. Вера улыбается. Затем, вздохнув, садится на пустую койку, смотрит опустошённым взглядом в никуда. Дух Бригадира садится рядом с нею.

Вздыхает. Обращается к ней:

Дух Бригадира:

Там ваши валенки, госпожа начальница, так посчитают – что бес ногу сломит. Нихрена они в бухгалтерии не секут...

Тут его осеняет догадка, он суживает глазки, смотрит на Веру с подозрением.

Дух Бригадира:

...Или кто-то сечёт слишком хорошо!

Она его, разумеется, не слышит.

Новый день.

10–29. Инт. Клиника/операционная. День.

**(Бригадир, Дух Бригадира,
Вера, Белозерский, Ася, Нилов,
Порудоминский, Концевич, Бельцева.)**

Бригадир на столе, на левом боку, голова выбрита, правая теменная область обложена операционным бельём, на бритой коже метиленовым синим прочерчена область предполагаемого участка

трепанации. Вера и Белозерский помыты на операцию, Ася слева у стола (у головного конца) у столика операционной сестры (набор инструментов на трепанацию, устрашающе выглядит), рядом, чуть сзади – Бельцева (учится). Концевич, Нилов и Порудоминский – смотрят. *(Если под операционную будет аудитория как в «Никербокере» – рассадить студентов и ординаторов, так идеально.)* Вера делает инфильтрационную анестезию (вкалывает иглу внутрикожно, пропитывает раствором кокаина кожу и подкожку, медленно постепенно давя на поршень шприца). Дух Бригадира стоит позади Веры, заинтересованно наблюдает.

Вера:

Вскрываем черепную коробку, формируем кожно-костный лоскут. С дальнейшими тактикой и объёмом определимся интраоперационно.

Ася подаёт Вере скальпель. Вера начинает разрез. Дух Бригадира, вздрогнув и перекрестившись, выходит из операционной, бормоча под нос из «Бытия»:

Дух Бригадира:

«И сказал Господь: потому что они плоть...»

10–30. Инт. Кабинет полицмейстера. День.

(Полицмейстер, Городовой.)

На столе стоит корзинка, в которой подбросили новорождённую. Полицмейстер стоит у окна, смотрит на улицу, в руках у него кружевная пелёнка, которая была в корзинке. Городовой стоит у стола, в некоторой растерянности смотрит Полицмейстеру в спину.

Городовой:

Парочка бытовых убийств. В одном вертепе: муж – жену. В другом: жена – мужа. И... *(кивая на корзинку)* Вот, собственно, и все происшествия, Андрей Прокофьевич. По нынешним временам – преспокойнейшее дежурство.

Полицмейстер не реагирует на слова Городового. Тот через несколько секунд прочищает горло.

Городовой:

Кхм... Я пойду?... Андрей Прокофьевич!

Полицмейстер оборачивается.

Полицмейстер:

А?!.. Да, иди.

Городовой:

Так это...

Кивает на пелёнку в руках Полицмейстера.

Городовой:

Вещественное доказательство. Дело дохлое, но приобрести надо.

Полицмейстер:

Я сам, Василий Петрович. Я сам.

Городовой – удивлён. Немного помявшись, надевает фуражку (держал в руках), козыряет, выходит. Полицмейстер становится мрачнее тучи, комкает салфетку в руках – сдерживаемые гнев, боль. На салфетке вышиты буквы А.А. На столе у Полицмейстера посреди прочих фотографий стоит фотография, где он моложе, а у него на руках сидит девочка лет пяти, на воротничке её платица вышита идентичная монограмма: А.А.

Конец 10-й серии

Татьяна Соломатина

Община Святого Георгия

11-я серия

11-1. Инт. Клиника/мужская палата. День.

(Вера, Бригадир, Белозерский.)

Бригадир Громов лежит на кровати с перебинтованной головой. Глаза закрыты. Вера, мрачная, стоит над ним, внимательно смотрит. Белозерский сидит на краю, тестирует пульс.

Белозерский:

Пульс, сердцебиение, частота дыхания – в норме. Почему он не приходит в сознание?

Вера пожимает плечами. Хмурит брови.

Вера:

Может, нет у него никакого сознания. Мы мало что знаем о теле. И мы ничего не знаем о душе.

11-2. Нат. Клиника/главная аллея. День.

(Дух Бригадира, Жена Бригадира.)

Дух Бригадира Громова сидит на скамейке, погода не очень, но он в благостном состоянии, всё вокруг его радует. Он будто впервые действительно живёт, а не следует программе выполнения целей и задач. Со стороны улицы к клинике быстро идёт Жена Бригадира, мрачная, чёрная. Механически утирает слёзы, которые вольно текут по её лицу. Он провожает её любящим взглядом. Встаёт.

Дух Бригадира:

Почему все решили, что дух покидает только мёртвое тело? А сами из молнии лампочку сделали. И лампочка светит, и молния жива. Значит, и тут есть способ. Хотя, пожалуй, искре место в потоке небесного электричества. Тоже мне, дело для Света – праху земному сортир освещать. Но раз и такой подряд имеется, наше дело – исполнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.